

Dis: 115, 953

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКѢ

ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

И. Бодуэна де-Лурмена.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография В. С. Баганцева, Средняя Подъячская, № 1.

1882.

Средняя Подъячская, д. № 1.
2301.

0 127903

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го декабря 1881 года.

Между предметами, читаемыми въ историко-филологическихъ факультетахъ русскихъ университетовъ, полагается по уставу 1863 года сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ. Кромѣ того, въ книгахъ и въ учено-литературныхъ журналахъ можно встрѣтить иногда этотъ терминъ. Между тѣмъ, вѣроятно, только немногіе изъ образованныхъ читателей имѣютъ вполне ясное понятіе о томъ, что такое слѣдуетъ понимать подъ этимъ названіемъ, тогда какъ предметъ другихъ наукъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, понятенъ для большинства образованныхъ людей. Поэтому я считаю не лишнимъ, по мѣрѣ силъ и возможности, отвѣтить въ этой статьѣ на вопросъ: что такое—сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ?

Въ этомъ названіи соединены два понятія: „сравнительная грамматика“ и „индо-европейскіе языки“. Такимъ образомъ нашъ общій вопросъ распадается на два частные вопроса: 1) что такое сравнительная грамматика? 2) что такое индо-европейскіе языки?

Постараюсь прежде всего отвѣтить на первый вопросъ: что такое сравнительная грамматика?

Всѣмъ образованнымъ людямъ извѣстно, что существуетъ наука, называемая ботаникой, и что предметъ занятій этой науки состоитъ въ научномъ изслѣдованіи растений; затѣмъ—что существуетъ зоологія, занимающаяся научнымъ изслѣдованіемъ животныхъ; что наука, называемая астрономіей, занимается научнымъ изслѣдованіемъ небес-

ныхъ тѣлъ, и т. д. Вездѣ мы замѣчаемъ, съ одной стороны, извѣстную сумму однородныхъ явленій, а съ другой — пытлиное, научное отношеніе человѣческаго ума къ этимъ явленіямъ.

Какъ растенія, животныя, небесныя тѣла и т. д., также точно и языки представляютъ собраніе однородныхъ явленій, и вслѣдствіе того, могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Наука, основывающаяся на идеальномъ, и надо сказать, никогда не осуществимомъ стремленіи человѣческаго ума узнать всѣ подробности, входящія подъ общую категорію слова человѣческаго или языка, называется или изслѣдованіемъ языковъ, наукой о языкѣ, языкознаніемъ, языковѣдѣніемъ и т. п., или же лингвистикой (отъ латинскаго lingua, языкъ), глоттикою, глоттологіей (отъ греческаго γλῶσσα (glōssa) или γλῶττα (glōtta), языкъ, и λόγος (lógos), слово, рѣчь, — стало-быть, глоттологія значитъ „рѣчь, наука о языкѣ“, какъ зоологія — „рѣчь, наука о животныхъ“, и т. д.

Относительно названій „лингвистика“, какъ наука о языкѣ, и „лингвистъ“, въ значеніи „изслѣдователя языка“, я долженъ замѣтить, что эти названія употребляются тоже для обозначенія практическаго знанія многихъ языковъ. Съ этой точки зрѣнія, „лингвистъ“ есть человѣкъ, знающій практически много языковъ, то-есть, объясняющійся на нихъ безъ затрудненія. Такимъ знаменитымъ лингвистомъ, въ этомъ именно смыслѣ, былъ кардиналъ Мепцофанти, подъ конецъ жизни говорившій исправно, по преданію, на 58 языкахъ. Никто, конечно, не въ правѣ навязывать другому свой собственный взглядъ на вещи, и тѣмъ болѣе никто не можетъ требовать отъ людей, употребляющихъ слово „лингвистъ“ въ только что упомянутомъ значеніи, чтобъ они въ угоду намъ отказались отъ своей привычки. Но какъ бы то ни было, понятія о „лингвистѣ“, какъ практическомъ знатокѣ и воспроизводителѣ языковъ, нельзя смѣшивать съ понятіемъ о „лингвистѣ“, какъ ихъ научномъ изслѣдователѣ. Если человѣкъ, способный подвергаться самымъ разнообразнымъ и самымъ интереснымъ болѣзнямъ, не есть вовсе изслѣдователь этихъ болѣзней или ученый медикъ, если человѣкъ, совершающій въ исправности всѣ физическія отправленія или функціи, не есть вовсе изслѣдователь этихъ функцій или физиологъ, если хорошій исполнитель писанныхъ законовъ вовсе не есть ихъ изслѣдователь, если гениальный поэтъ далеко не тождественъ съ психологомъ, изслѣдующимъ процессъ поэтическаго творчества, — то и человѣка, совершающаго исправно языковой процессъ на всевозмож-

ные лады, нельзя вовсе считать научнымъ изслѣдователемъ языка или же языковъ. И даже часто случается, что люди, отличающіеся замѣчательными способностями къ практическому усвоенію чужихъ языковъ, оказываются совершенно неспособными относиться сознательно и научно къ явленіямъ хотя бы только отечественнаго языка; слѣдовательно, они не могли бы никогда сдѣлаться лингвистами въ теоретическомъ смыслѣ этого слова. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, что теоретическій изслѣдователь какого-нибудь языка или же группы языковъ долженъ пренебрегать ихъ практическимъ знаніемъ; напротивъ того, чѣмъ обширнѣе фактическія познанія по этой части тѣмъ легче и тѣмъ съ болѣшимъ успѣхомъ можно работать въ нашей наукѣ. Вѣдь точно также для ботаника и для зоолога весьма желательно самое обстоятельное по возможности знакомство со всѣми видоизмѣненіями изслѣдуемыхъ ими существъ. И хотя природа языка и сложность и богатство представляемыхъ имъ фактовъ дѣлаютъ невозможнымъ для изслѣдователя языка такое знаніе своего предмета, какое доступно ботанику или же зоологу, тѣмъ не менѣе необходимо стремиться къ усвоенію по возможности большаго числа языковъ и къ самому основательному ихъ изученію. Во всякомъ случаѣ однако, даже практическое изученіе языковъ теоретическими лингвистами отличается отъ чисто практическаго ихъ изученія кардиналомъ Мепцофанти и другими ему подобными тѣмъ, что первые изучаютъ факты языка вполне сознательно, а цѣль послѣднихъ со, стоитъ только въ совершенно безсознательномъ владѣніи тѣмъ или другимъ языкомъ при помощи врожденныхъ имъ чисто подражательныхъ способностей.

Съ другой стороны, если садовникъ, основательно ознакомленный съ самымъ громаднымъ количествомъ растеній, или же содержатель и практический знатокъ самаго богатаго звѣринца и акварія не могутъ еще претендовать на названіе ботаника или зоолога, то точно также не вѣрно было бы называть лингвистомъ того, кого ограничивается болѣе или менѣе страдательнымъ, хотя бы даже самымъ обстоятельнымъ, знаніемъ однихъ только подробностей языка или же языковъ, или же однимъ только описаніемъ отдѣльныхъ частей языка, безъ всякой другой цѣли, какъ только именно это страдательное знаніе и описаніе подробностей. Есть, правда, ученые, которые сами себя считаютъ и даже другими признаются за изслѣдователей языка, и которые однакоже видятъ всю мудрость и конечную цѣль языковѣдѣнія, по части литературы — въ составленіи описательныхъ грамматикъ.

тикъ, словарей и въ изданіи памятниковъ разныхъ языковъ, а по части знанія и преподавательской дѣятельности — въ ознакомленіи себя и другихъ только съ тѣмъ, что дается описательными грамматиками, словарями и изданіями памятниковъ, при чемъ де должно быть строжайше запрещено дѣлать какія бы то ни было болѣе широкія обобщенія и высказывать какія бы то ни было гипотезы. Обыкновенно къ подобнаго рода гонителямъ научной мысли вполне примѣнима латинская пословица: *Ars non habet osorem, nisi ignorantem* (искусство, или же науку, преслѣдуютъ только люди, незнакомые съ нею) Ограничиваясь при изслѣдованіи явленій языка исключительно только описательною стороною, эти господа дѣлаютъ это вовсе не изъ какой-нибудь скромности, а напротивъ того, гордятся своею воздержанностью и „положительностью“. По моему же, здѣсь не чѣмъ гордиться. Видѣть конечную цѣль извѣстной науки въ одномъ только собираніи матеріала и отказывать себѣ во всѣхъ обобщеніяхъ и гипотезахъ — значитъ, не понимать вовсе, что такое наука вообще, а данная наука въ частности. И такъ, языковѣднѣе, на сколько оно принадлежитъ къ числу наукъ, должно стремиться къ самымъ широкимъ обобщеніямъ, соблюдая, конечно, при этомъ всѣ условія точности и осмотрительности индуктивнаго метода.

Многими признается сравненіе за отличительный признакъ нашей науки, и поэтому они весьма охотно говорятъ о „сравнительномъ языковѣднѣи“ или „сравнительномъ языкознаніи“ (*vergleichende Sprachwissenschaft*), о „сравнительномъ изслѣдованіи языка“ (*vergleichende Sprachforschung*) или о „сравнительной филологіи“ (*philologie comparée, comparative philology*), или же наконецъ, о „сравнительной грамматикѣ“ (*vergleichende Grammatik, grammaire comparée*) и т. д.

Что касается перваго рода названія, „сравнительное языковѣднѣе“ или т. п., то прилагательное „сравнительное“ является здѣсь совершенно лишнимъ. Ибо не только каждый научный выводъ, но даже самое простое сужденіе есть результатъ сравненія. Такъ напримѣръ, сужденіе „снѣгъ бѣлый“ представляетъ результатъ сравненія цвѣта снѣга съ цвѣтомъ другихъ предметовъ. Произнося 1, 2, 3...., мы тѣмъ же самымъ сравниваемъ числовыя величины; а такъ какъ всѣ математическія величины являются результатомъ извѣстнаго сравненія, и такъ какъ все математическое мышленіе есть не что иное, какъ сравненіе своего рода, то прежде всего слѣдовало бы говорить не „математика“, а „сравнительная математика“. Роль же, которую

сравненіе играетъ въ языковѣднѣи, оно исполняетъ и во всѣхъ индуктивныхъ наукахъ: только при помощи сравненія можно обобщать факты и пролагать дорогу примѣненію дедуктивнаго метода. Поэтому опредѣленіе „сравнительная“ равнымъ правомъ подходитъ къ словамъ: „географія“, „геологія“, „зоологія“, „ботаника“, „исторія“, „психологія“ и т. д., однимъ словомъ, съ этой точки зрѣнія всѣ науки сравнительны.

Но впрочемъ при „сравнительномъ языковѣднѣи“ прилагательное „сравнительное“ имѣетъ историческое значеніе. Оно обязано своимъ происхожденіемъ новой школѣ, новому направленію въ языковѣднѣи, сдѣлавшему громадныя открытія. Это направленіе выразилось въ сравненіи между собою нѣсколькихъ группъ языковъ родственныхъ, по преимуществу же въ сравненіи языковъ „индо-европейскихъ“ (въ началѣ текущаго столѣтія). Подобное же историческое значеніе имѣютъ названія „сравнительная анатомія“, „сравнительная географія“, „сравнительная мифологія“, „сравнительное правовѣднѣе“ и т. д. Но все-таки это только одинъ моментъ въ исторіи науки, моментъ, когда сравненіе въ неизвѣстномъ до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія направленіи привело къ громаднымъ и совершенно новымъ результатамъ.

Названіе „сравнительная филологія“, кромѣ лишняго прилагательнаго „сравнительная“ не точно еще и потому, что подъ словомъ „филологія“ мы понимаемъ обыкновенно другую науку, объ отношеніи которой къ языковѣднѣи будетъ сказано послѣ.

Наконецъ, примѣнять названіе „сравнительная грамматика“ къ языковѣднѣи вообще значитъ брать *partem pro toto* (часть вмѣсто цѣлаго), потому что сравнительная грамматика, или просто, грамматика является только одною частью языковѣднѣи, которое задается не исключительно только грамматическими, но и другими вопросами. Прилагательное „сравнительная“ здѣсь точно также совершенно лишнее: каждая грамматика есть сравнительная, настоящая же научная грамматика извѣстнаго языка можетъ быть только одна, то-есть, съ одной стороны, индуктивная, а съ другой — историческая и сравнительная въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова.

И такъ, если науку часть которой составляетъ „сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ“, называть не по переходящимъ ей направленіямъ, не по извѣстнымъ, совершаемымъ въ ней научнымъ операціямъ, а по предмету изслѣдованія во всей его полнотѣ, то въ такомъ случаѣ, на подобіе „естествовѣднѣи“ или

„естествознания“, самое умѣстное названіе для науки, предметомъ которой служить языкъ, будетъ просто или „изслѣдованіе языка и рѣчи человѣческой вообще“, или „языковѣдѣніе“, или „языкознание“ и т. д. или „лингвистика“, „глоттологія“, „глоттика“, и т. п. Подобныя названія ничего не предрѣшаютъ, а указываютъ только на предметъ, изъ области котораго берутся научные вопросы. Впрочемъ, можно называть извѣстную науку, какъ кому угодно, и въ особенности можно величать ее „сравнительною“, лишь бы только знать, что сравненіе здѣсь не цѣль, а только одно изъ средствъ, и что оно есть не исключительная принадлежность языкознанія, а общее достояніе всѣхъ безъ исключенія наукъ.

Языковѣдѣніе распадается прежде всего на чистое и прикладное. Чистое занимается вопросами чисто лингвистическими, то есть, оно изслѣдуетъ языки и на основаніи частныхъ изслѣдованій дѣлаетъ общіе выводы; прикладное же — примѣняетъ результаты чистаго языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другихъ наукъ (міеологіи, этнографіи, этногеніи, до-исторической исторіи, исторіи культуры и т. д.).

Чистое языковѣдѣніе можно дѣлить на двѣ части: 1) положительную и 2) трансцендентальную. Положительное языковѣдѣніе ограничивается выводами изъ доступныхъ изслѣдованію фактовъ, трансцендентальное же — задается такими вопросами, которые лежатъ собственно за предѣлами доступной изслѣдованію дѣйствительности и могутъ быть рѣшены по преимуществу только умозрительно и съ помощью аналогического умозаключенія. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, вопросъ о началѣ слова человѣческаго и т. п. Но, хотя сами вопросы трансцендентальны, то есть, относятся къ фактамъ, которыхъ нельзя ни наблюдать, ни провѣрить, однако методъ долженъ быть положительный.

Нѣкоторые лингвисты исключаютъ совершенно изъ области лингвистики или языковѣдѣнія подобнаго рода вопросы и представляютъ ихъ всецѣло на рѣшеніе такъ называемымъ философамъ языка, а эти послѣдніе, съ своей стороны, присвоиваютъ себѣ область, на которую ихъ положительныя знанія не даютъ имъ ни малѣйшаго права. По моему, философія языка безъ основательнаго знанія результатовъ положительнаго языковѣдѣнія не можетъ вовсе существовать какъ серьезная наука а только какъ переливаніе изъ пустого въ порожнее, или же какъ пріятное препровожденіе времени: точно также какъ натуръ-философъ безъ основательнаго знанія естествен-

ныхъ наукъ не можетъ вовсе считаться серьезнымъ ученымъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что, какъ въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, такъ и въ языковѣдѣніи, существуетъ раздѣленіе труда, и что одни изъ лингвистовъ занимаются по преимуществу положительною частью своей науки, а другіе — по преимуществу частью трансцендентальною. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго соединить въ себѣ знанія философа съ основательнымъ знаніемъ положительнаго языковѣдѣнія.

Первую и вмѣстѣ съ тѣмъ основную и самую важную часть языковѣдѣнія составляетъ языковѣдѣніе положительное, распадающееся на два отдѣла: 1) грамматику и 2) систематику или классификацію языковъ. Грамматика есть всесторонній анализъ составныхъ частей человѣческаго языка или же языковъ; систематика же занимается упорядоченіемъ языковъ, какъ недѣлимыхъ цѣлыхъ, по ихъ отличительнымъ признакамъ и по ихъ генетическому, настоящему родству.

Основаніемъ всему языковѣдѣнію служитъ грамматика. Она въ свою очередь дѣлится на нѣсколько частей, сообразно съ природою разбираемаго языка. Такъ, на примѣръ, въ примѣненіи къ языкамъ „индо-европейскимъ“ она распадается на фонетику или науку о звукахъ, морфологію или науку о знаменательныхъ частяхъ слова въ ихъ взаимной связи, и наконецъ, синтаксисъ или науку о сочетаніи словъ въ предложеніяхъ и объ ихъ значеніи въ подобныхъ сочетаніяхъ. Но такое раздѣленіе примѣнимо не ко всѣмъ безъ исключенія языкамъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, слѣдуетъ остерегаться всего апіористическаго. Какъ остеологія, то есть, наука о костяхъ, возможна только при разсмотрѣніи тѣхъ животныхъ, у которыхъ есть кости, какъ изслѣдованіе законодательства и вообще законовѣдѣніе возможно при изслѣдованіи только тѣхъ народовъ, у которыхъ есть писанные законы, точно также, на примѣръ, наука о падежныхъ и личныхъ окончаніяхъ, какъ часть грамматики, возможна при разсмотрѣніи только тѣхъ языковъ, которымъ въ самомъ дѣлѣ свойственны падежныя и личныя окончанія. Отсюда видна вся несостоятельность тѣхъ общихъ, апіористическихъ или такъ называемыхъ „философскихъ грамматикъ“, въ которыхъ есть мѣсто, на примѣръ, только для четырехъ падежей, ничуть ни меньше, ни больше, то есть, для „wer-fall“, „wess-fall“, „wem-fall“ и „wen-fall“ („именительный“, „родительный“, „дательный“ и „винительный“),

не смотря на то, что во многих языках нѣтъ вовсе никакого fall'a (падежа), а въ другихъ ихъ бываетъ даже нѣсколько десятковъ.

По довольно распространенному мнѣнію, глоттологія (лингвистика) или языковѣдѣніе смѣшивается съ филологіей. Для устранения этой неточности во взглядѣ на нашу науку, я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи языковѣдѣнія и филологіи. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что, говоря объ отношеніяхъ отдѣльныхъ наукъ, можно имѣть въ виду только положительныя данныя отдѣльныхъ наукъ, какъ упражненія человѣческаго ума надъ суммой однородныхъ, тѣсно между собою связанныхъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыхъ фактовъ и понятій. Какъ науки должны бы раздѣляться „по своей идеѣ“ — до насъ вовсе не касается. Можно себѣ, замуря глаза, строить прекрасныя системы, распредѣляя науки по дивизіямъ, на знаменахъ которыхъ красуются: „Богъ“, „природа“, „человѣкъ“, и затѣмъ по полкамъ, основаніемъ которыхъ послужатъ разныя логическія категоріи: пространство, время, количество, качество и т. д., но все это не измѣнитъ существующихъ связей между науками.

Итакъ, филологія классическая есть изслѣдованіе душевной жизни обоихъ такъ-называемыхъ „классическихъ“ народовъ — Греческаго и Римскаго, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Точно то же германская филологія по отношенію къ Германскимъ народамъ, славянская по отношенію къ народамъ Славянскимъ, и т. д.

Мнѣніе, что можетъ существовать филологія только культурныхъ народовъ, есть научный предразсудокъ, основанный на научномъ аристократизмѣ, по которому только „благородные“ имѣютъ право на вниманіе науки. Правда, что въ самомъ дѣлѣ исторически развились и процвѣтали до сихъ поръ только филологіи народовъ такъ-называемыхъ „историческихъ“ или „культурныхъ“. Но въ новѣйшее время появилось стремленіе, общее впрочемъ всѣмъ наукамъ, не ограничиваться одними только аристократами, но обращать вниманіе на всѣхъ безъ исключенія людей. Кто изучаетъ „варваровъ“ или „первобытные народы“ во всѣхъ отношеніяхъ, языка, словесности (настоящей словесности), вѣрованій, обычаевъ, культуры и т. д., тотъ тоже филологъ, хотя и не величаетъ себя этимъ именемъ.

Итакъ, общая филологія есть, по идеѣ, изслѣдованіе душевной жизни всѣхъ безъ исключенія народовъ. Само собою разумѣется, что еще не нашлся человѣкъ, который — выражаясь философски — могъ бы „осуществить“ собою хотя бы только приблизительно идею по-

добной общей филологіи. Задача изслѣдовать все стороны душевной жизни хотя бы только одного народа, или много-много, одной группы народовъ такъ огромна, что ее хватить, пожалуй, на всю жизнь одного лица. Поэтому-то мы знаемъ о филологахъ классическихъ, занимающихся изученіемъ душевной жизни Римлянъ и Грековъ, затѣмъ о филологахъ германскихъ, славянскихъ, индійскихъ, арабскихъ и т. д., но о филологахъ, хотя бы только „индо-европейскихъ“ мы какъ-то до сихъ поръ не слышали, и по всей вѣроятности, никогда слышать не будемъ. Правда, что тоже ни одинъ человѣкъ не былъ и не будетъ въ состояніи „осуществить“ собою идею общаго языковѣдѣнія, какъ научнаго знанія всѣхъ языковъ и знакомства со всѣми результатами отдѣльныхъ изслѣдованій по части всѣхъ извѣстныхъ доселѣ племенъ языковъ. Но, сосредоточиваясь на одной только сторонѣ проявленія душевной жизни человечества, то-есть, на языкѣ, можно гораздо болѣе расширить область своихъ изслѣдованій и заниматься съ успѣхомъ не только одною отраслью языковъ, въ родѣ языковъ „индо-европейскихъ“, но даже нѣсколькими подобными отраслями, и затѣмъ, на основаніи аналогическихъ заключеній, объ общихъ свойствахъ всѣхъ языковъ, развить въ себѣ приблизительно вѣрное понятіе о языкѣ человѣческомъ вообще.

Итакъ, отношеніе филологіи и лингвистики можно выразить слѣдующимъ образомъ: Для филолога центромъ, около котораго группируются все его занятія, являются одни и тѣ же носители всѣхъ проявленій душевной жизни, какъ-то: языка, вѣрованій, сказаній, письменности, культуры и т. д., или другими словами, одни и тѣ же народы; изслѣдованія же лингвиста связываются въ одно цѣлое однородностью той стороны проявленія душевной жизни разныхъ народовъ, которая называется языкомъ.

Впрочемъ, все это имѣетъ мѣсто только въ отвлеченіи. Въ дѣйствительности же возможно успѣшное соединеніе въ одномъ лицѣ самостоятельныхъ занятій по части, напримѣръ, классической или же славянской филологіи съ чисто лингвистическими изслѣдованіями въ области, напримѣръ, „индо-европейскихъ“ языковъ.

Видѣть, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, различіе филологіи и лингвистики въ томъ, что первая есть наука историческая, а вторая — естественная, и затѣмъ ставить эти двѣ науки въ какія-то деприазненные другъ другу отношенія, не имѣетъ, по моему, достаточнаго основанія, кромѣ личныхъ вкусовъ, предразсудковъ и произвольныхъ толкованій отдѣльными учеными воображаемыхъ задачъ той и другой

науки. Некоторые лингвисты смотрят на этот вопрос несколько односторонне и считают свою науку естественною в том именно смысле, как геология или же биология (представляющая соединение ботаники и зоологии), то-есть, не только по методу, но и по самому предмету исследования: языковедение исследует де живые „организмы“, языки, стало быть, оно в этом отношении ничем не отличается от других естественных наук, занимающихся исследованием живых организмов. Мы же вопрос о принадлежности языковедения к естественным наукам представляется следующим образом: Метод, которым пользуется настоящая научная лингвистика, таков же, как и метод естествоиспытателя, метод строгий, индуктивный; — стало быть, с этой точки зрения языковедение есть наука естественная. Если же принять во внимание природу исследуемого предмета, то-есть, природу языка, как проявления по преимуществу бессознательной психической деятельности человека, в таком случае нужно будет причислить языковедение к наукам исторически-психическим или „социологическим“. Но впрочем языковедение должно будет являться в обоих отделах науки только в таком случае, если вообще принимать подобное дуалистическое или двойственное деление наук. Если же отказаться от этого традиционного дуализма, то в таком случае вопрос, куда причислить языковедение, окажется совершенно лишним, ибо, во-первых в таком случае все настоящие науки явятся естественными, так как они занимаются изучением природы в самом обширном смысле этого слова, и если претендуют на настоящую научность, должны следовать индуктивному и затем дедуктивному методу; во-вторых же, отдельные науки составляют только части одной общей науки: они не что иное, как задачи, взятые на себя отдельными группами труженников, конечная цель которых — узнать действительность во всех ее проявлениях. Задача всех наук состоит в очищении предмета исследования от всяких „случайностей“ и произвола и в отыскании „правильности“ и „закононости“. С этой точки зрения все науки, занимающиеся сопоставлением и обобщением подробностей, будут естественными, если выдвигают на первый план кроющуюся в явлениях стройность и правильность; оставаясь же на одних только случайностях и частностях, все эти науки, суть науки „исторические“ (в том смысле, как этот эпитет прилагается к кличке так-называемой „всеобщей истории“). При таком взгляде на вещи, все естественных наук и матема-

тики нет места для какой бы то ни было действительной науки. Тогда и филология, и история, и политическая экономия и т. д., на сколько они науки, должны быть непременно естественными. Филология же и история, отказывающиеся от строго индуктивного метода естественных наук и избывающие научных обобщений в том смысле, как они производятся в естественных науках, могут быть собранием весьма интересных сведений и всемирно-исторических сплетен и вообще чем кому угодно, но никогда не будут наукою.

Так как язык представляет исследованию только две стороны: 1) акустическо-физиологическую и 2) психическую, то можно бы спросить: есть ли вообще основание создавать отдельную науку языковедения, и не есть ли это наука лишняя, являющаяся только случайным сочетанием или слепком трех наук — акустики с физиологией и психологией? В ответ на этот вопрос можно указать прежде всего на тот факт, что языковедение, как отдельная наука, существует, что у него есть и своя собственная литература, есть и свои собственные специалисты. Кроме того, в языковедении есть в самом деле вопросы исключительно глоттологические или лингвистические, то-есть, вопросы, которых никогда не касаются ни физиолог, ни психолог. Так например, хотя действительно в языке „силы“, как то „привычка“, „стремление к удобству“, „бессознательное обобщение или апперцепция“, „бессознательная абстракция“ и т. п., принадлежат всецело к разряду сил психических, тем не менее способ их проявления в языке совершенно своеобразен и таков, что он может быть понятен единственно только для тех, кто посвятил себя специальному изучению языка. В акустическо-физиологической части языковедения пользуется только выводами акустики и физиологии, но все-таки соединяет их таким образом, который совершенно чужд этим двум наукам. Это соединение результатов акустики и физиологии для потребностей лингвистов дало начало особой науке, „физиологии звука“ или „антропифоник“, как части языковедения. Подобным образом то обстоятельство, что физиология занимается только исследованием физических и химических процессов в живом организме, не уничтожает еще этой науки (физиологии) и не выводит ее на степень какого-то случайного конгломерата из вопросов, принадлежащих по настоящему химии и физике.

Только та наука может быть названа истинною наукой, которая на каждом шагу соблюдает въ своихъ выводахъ самую строгую и выскательскую точность и не пускается ни на какія фантазерства. Каждый научный человекъ, въ томъ числѣ и изслѣдователь языка, долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что нѣтъ ни одного явленія, которому не было бы причины, которое не было бы обусловлено необходимостью, все равно—извѣстна ли намъ эта причина и понятна ли намъ въ данномъ случаѣ эта необходимость или же нѣтъ. Все въ природѣ, а слѣдовательно, и въ языкѣ, „причинно“, „естественно“, „законно“, „раціонально“. Въ языкѣ нѣтъ никакого произвола. Высказываемый здѣсь взглядъ не есть мусульманскій фатализмъ, гласящій: „дѣлай, что хочешь, увертывайся, сколько тебѣ угодно, а все-таки твой ронъ вставитъ тебя даже у полюсовъ умереть отъ жары, а на экваторѣ отъ холода“. Нѣтъ, тутъ только постоянное сдѣяніе обстоятельствъ, при тождественныхъ условіяхъ дающее всегда одинъ и тотъ же результатъ.

Если находящіеся въ нашихъ рукахъ научныя средства не позволяютъ намъ получить строго опредѣленный отвѣтъ на каждый изъ занимающихъ насъ вопросовъ, то это не должно насъ вовсе смущать. Въдѣ даже строжайшая и самая законченная изъ всѣхъ наука, наука, основанная на неизменныхъ аксіомахъ, единственная, вполне дедуктивная наука не на всѣ вопросы даетъ вполне опредѣленные отвѣты. Въдѣ квадратный корень изъ любой величины является не въ одномъ, но въ двухъ видахъ. Въдѣ, пользуясь бесконечно малыми и бесконечно великими величинами и соблюдая въ своихъ дѣйствіяхъ безукоризненную математическую строгость, мы все-таки можемъ доказывать, что всѣ числа и всѣ вообще опредѣленные величины сравнимы между собою. Въдѣ $1 = 0,9999...$ Въдѣ въ математикѣ же есть, напримеръ, хотя бы уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, для которыхъ получается по настоящему безчисленное множество отвѣтовъ, и только ограничивая отвѣты въ цѣлыхъ числахъ, ограничивается то же число отвѣтовъ, и т. д. А нечего ужъ и говорить о высшей математикѣ, постоянно имѣющей дѣло съ бесконечными величинами. И въ языковѣдѣніи есть свои уравненія первой степени съ двумя и даже болѣе неизвѣстными. И въ языковѣдѣніи, даже въ опредѣленныхъ случаяхъ, на одинъ и тотъ же вопросъ могутъ быть по два, по три и болѣе отвѣта. Но мы все-таки твердо увѣрены, что эта неопредѣленность отвѣтовъ есть слѣдствіе только недостаточнаго знанія частныхъ условій.

Годность изслѣдованій лингвиста зависитъ, между прочимъ, отъ строгаго соблюденія условій географіи и хронологіи. Это значитъ, что каждый фактъ языка долженъ быть разсматриваемъ въ свойственной ему средѣ пространства и времени. Объяснять явленія извѣстнаго языка въ извѣстный періодъ его развитія законами другихъ періодовъ и другихъ языковъ—значитъ не обладать вовсе чуткѣмъ дѣйствительности, значитъ выставять себѣ рѣшительное свидѣтельство въ своей полной научной несостоятельности. Стало быть, никоимъ образомъ невозможно объяснять явленія, напримеръ, русскаго языка „законами“, свойственными языку латинскому. Въдѣ это почти то же самое, какъ если бы кто сталъ серьезно утверждать, что на тѣлѣ какого-нибудь Нѣмца или Француза остались слѣды наказанія бамбукомъ какого-нибудь японскаго или китайскаго сановника.

Какъ научное стремленіе, языковѣдѣніе имѣетъ цѣлью изслѣдовать всѣ языки земнаго шара. Но къ сожалѣнію, языковъ насчитываютъ одни нѣсколько тысячъ, другіе—нѣсколько сотъ (о точности здѣсь и рѣчи быть не можетъ), и во всякомъ случаѣ ихъ столько, что даже съ сотою ихъ частью не въ состояніи основательно ознакомиться человекъ самый способный и имѣющій возможность посвятить все свое время подобнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ на практикѣ языковѣдѣніе выходитъ гораздо скромнѣе, нежели въ чисто отвлеченныхъ дефиниціяхъ. Необходимымъ является здѣсь раздѣленіе труда, спеціализація, въ силу которой отдѣльные ученые сосредоточиваютъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ группахъ языковъ, но при всемъ этомъ должны избранную ими частичку всего языковаго богатства разсматривать съ общей точки зрѣнія. Тогда ихъ спеціальность сохранить живучесть и общій интересъ.

Болѣе всѣхъ прочихъ группъ языковъ изслѣдованы группы, принадлежащія племенамъ и народамъ, приобрѣвшимъ въ исторіи всемирное значеніе, то-есть, группы семитическая и индо-европейская. Преимущественно же поучительно изученіе этой послѣдней группы, такъ какъ на ней былъ выработанъ тотъ строгій методъ, которымъ теперь такъ справедливо можетъ гордиться языковѣдѣніе.

Изученіе исключительно языковъ индо-европейскихъ можетъ быть примѣненіемъ только положительнаго языковѣдѣнія къ этимъ языкамъ, то-есть, примѣненіемъ къ нимъ, съ одной стороны, грамматики, а съ другой—систематики или классификаціи, и то даже не всей, а

только классификаціи генетической или естественной классификаціи языковъ родственныхъ.

Примѣненіе грамматической части языковѣдѣнія къ языкамъ индо-европейскимъ и является именно сравнительною грамматикой индо-европейскихъ языковъ или просто грамматикой индо-европейскихъ языковъ.

Въ предшествующемъ я старался дать отвѣтъ на первый изъ вопросовъ, поставленныхъ въ началѣ этой статьи, и мнѣ остается еще отвѣтить на второй вопросъ: что такое языки индо-европейскіе? Но прежде чѣмъ отвѣтить специально на этотъ вопросъ, я считаю нелишнимъ объяснить, что такое языки родственные.

Еслибъ всѣ языки происходили отъ одного, то-есть, были только различными видоизмѣненіями одного и того же первобытнаго языкового матеріала, то въ такомъ случаѣ всѣ они были бы родственны между собою; въ такомъ случаѣ нечего было бы выдѣлять извѣстную группу языковъ родственныхъ и противопоставлять ее всѣмъ остальнымъ языкамъ. Но въ томъ-то и бѣда, что такихъ группъ языковъ родственныхъ такъ много, что, вслѣдствіе недостаточнаго знанія языковъ, даже неизвѣстно, сколько такихъ группъ, и что между отдѣльными группами нельзя усмотрѣть ни малѣйшаго родства. Это можно объяснить тѣмъ, что, когда у различныхъ племенъ создавался и окончательно слагался (формировался) строй языка, какъ уже дѣйствительнаго языка, эти племена не находились между собою ни въ какихъ сношеніяхъ и выработали (развили) свои языки совершенно независимо одинъ отъ другаго, или говоря иначе, что основные первобытные языки отдѣльныхъ племенъ произошли въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара, безъ какого бы то ни было взаимнаго вліянія другъ на друга. Кажется даже, что нѣкоторые дикари до сихъ поръ не развили окончательно своего языка въ собственномъ смыслѣ этого слова и находятся еще теперь въ состояніи переходномъ отъ безъязычнаго состоянія къ появленію настоящаго языка.

Доискиваясь сходствъ и различій между языками не родственными, и вообще отыскивая характеристическія, всеобъемлющія особенности этихъ языковъ не родственныхъ, и на основаніи этихъ характеристическихъ особенностей опредѣляя взаимное отношеніе, ихъ (то-есть, не родственныхъ языковъ) мы даемъ начало морфологической или структурной классификаціи языковъ, которая во всякомъ случаѣ есть классификація искусственная, такъ какъ она не воспроизводитъ настоящаго постепеннаго развѣтвленія описываемыхъ предметовъ. За

то классификація въ области языковъ родственныхъ должна быть помѣръ возможности классификаціею естественною, то-есть, она должна стремиться къ такому упорядоченію этихъ родственныхъ языковъ, которое было бы, такъ-сказать, только повтореніемъ дѣйствительно совершившагося процесса постепеннаго ихъ дѣленія или дифференцировки.

Языки родственные суть не что иное, какъ различные видоизмѣненія одного и того же первобытнаго языка. Для объясненія этого выраженія я считаю нелишнимъ прибѣгнуть къ слѣдующему сравненію: Представимъ себѣ громадное пространство, покрытое сплошною массой одного и того же рода травы. Еслибъ условія почвы, климата и т. д. остались одни и тѣ же, еслибы вообще трава эта не подвергалась никакимъ постороннимъ вліяніямъ, она осталась бы навсегда неизмѣненною, представляя впрочемъ на разныхъ мѣстахъ занимаемаго ею пространства извѣстное, чуть-чуть замѣтное разнообразіе формъ и свойствъ. Но допустимъ, что часть этой травы занесена какими-то судьбами въ другое, болѣе или менѣе отдаленное мѣсто, другая часть—опять въ другое мѣсто и т. д., и что эти новыя мѣстопребыванія разнятся отъ первобытной родины описываемой травы и представляютъ другія условія для ея жизни и развитія. Въ такомъ случаѣ родъ этой травы въ этихъ разныхъ мѣстахъ долженъ непременно измѣниться. Мало того; положимъ, что даже на первобытной родинѣ, гдѣ осталась извѣстная часть нашей травы, условія почвы и климата измѣнились; въ такомъ случаѣ даже тамъ видъ травы долженъ будетъ тоже измѣниться, то-есть, она явится современемъ въ новомъ видѣ. Такимъ образомъ отъ прежняго рода или вида травы ничего не останется, и онъ будетъ продолжать жить только въ своихъ разнообразныхъ потомкахъ, которые будутъ, правда, сходны какъ съ нимъ, такъ и между собою, но все-таки они будутъ не имъ самимъ, а только его разнообразными видоизмѣненіями.

Замѣнимъ теперь траву какимъ-нибудь первобытнымъ языкомъ, на примѣръ, тѣмъ языкомъ, на которомъ говорили предки всѣхъ Индо-Европейцевъ. Эти первобытные Индо-Европейцы или Аріоевропейцы занимали извѣстное пространство, и вслѣдствіе сего, ихъ языкъ не могъ быть совершенно одинаковъ, но долженъ былъ представлять извѣстные, хотя даже и незначительные, діалектическіе оттѣнки или діалектическія видоизмѣненія. Извѣстныя обстоятельства, борьба за существованіе, историческія бури и т. п. унесли съ собою въ различные страны извѣстную часть этихъ Индо-европейцевъ, которые для

насъ являются прежде всего носителями индо-Европейских языковъ. При новыхъ условіяхъ жизни удалившіеся со своей родины Индо-Европейцы развили первобытные діалектическіе оттѣнки въ различные самостоятельныя языки, которые являются, правда, прямымъ продолженіемъ первобытнаго языка и разнообразными его видоизмѣненіями, но ужъ никакъ не могутъ быть съ нимъ отождествляемы. Но даже на родинѣ первобытнаго языка оставшаяся часть Индо-Европейцевъ не могла остаться неподвижною по отношенію къ своему языку. Здѣсь не нужно было даже никакихъ измѣненій въ условіяхъ почвы или климата, а достаточно было того обстоятельства, что непосредственно живою почвой для языка служили и служатъ его носители, то-есть, говорящіе на немъ люди, врожденный органическія и психическія стремленія которыхъ должны были обусловить постоянныя видоизмѣненія свойственнаго имъ языка, и затѣмъ, его распадѣніе на болѣе или менѣе другъ отъ друга отличающіеся нарѣчія и говоры. Такимъ образомъ отъ первобытнаго языка ничего не осталось, а остались только различныя его отраженія или рефлексы въ его отдѣльныхъ потокахъ или его отдѣльныхъ видоизмѣненіяхъ. Первобытный языкъ является, такъ-сказать, „общимъ знаменателемъ“ всѣхъ отъ него происшедшихъ. Поэтому нѣсколько наивно считать, напримѣръ, санскритъ источникомъ, изъ котораго происходятъ всѣ остальные языки индо-европейскіе: санскритъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ такое же видоизмѣненіе первобытнаго языка, какимъ является, напримѣръ, языкъ литовскій или же любой изъ славянскихъ.

Такъ какъ при перерожденіи первобытнаго языка подвергалась измѣненію прежде всего его звуковая сторона, и такъ какъ это перерожденіе происходило вездѣ на основаніи строгихъ и опредѣленныхъ законовъ, то и первымъ, необходимымъ признакомъ генетическаго родства известной группы языковъ являются именно строго опредѣленныя звуковыя соотвѣтствія. Пока подобныя, строго опредѣленныя звуковыя соотвѣтствія не открыты, до тѣхъ поръ нельзя говорить о генетическомъ родствѣ языковъ, которое, можетъ быть, и существуетъ, но не для строгихъ и точныхъ изслѣдователей. Поэтому всѣ попытки доказать генетическое родство, напримѣръ, между языками аrio-европейскими (индо-европейскими) и семитическими, или же между языками аrio-европейскими и финско-тюркскими (туранскими) разбивались именно о невозможность найти подобныя строго опредѣ-

ленныя звуковыя соотвѣтствія между сравниваемыми группами языковъ.

Прямымъ послѣдствіемъ постоянныхъ звуковыхъ соотвѣтствій является возможность фонетическаго перевода съ одного языка на другой, ему родственный, или возможность, каждое не заимствованное слово одного языка выразить въ звуковой формѣ другого, сообразно съ открытыми и установленными звуковыми соотвѣтствіями, и не смотря на то, существуетъ ли данное слово въ этомъ другомъ языкѣ, или же нѣтъ. Если оно не существуетъ, то все-таки, еслибы существовало, оно должно бы явиться непременно въ этомъ возсоздаваемомъ видѣ. При этомъ всѣ сравниваемыя слова слѣдуетъ прежде всего дѣлить на ихъ составныя знаменательныя (морфологическія) части или морфемы. Морфема представляетъ сумму звуковъ и вообще звуковыхъ свойствъ, съ которою связанъ известный оттѣнокъ значенія, и которая въ этомъ отношеніи совершенно не дѣлима.

Возьмемъ, напримѣръ, русское слово семья, которому въ старославянскомъ соотвѣтствуетъ сѣмѣа или сѣмѣа (по старославянски оно значитъ „челядь“, какъ отчасти и по русски). Главною морфемой или „корнемъ“ этого слова будетъ сѣм. Теперь предстаётъ вопросъ: нѣтъ ли, напримѣръ, въ языкахъ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, родственныхъ по корню съ названнымъ русскимъ и старо-славянскимъ словомъ? Обратимся къ звуковымъ соотвѣтствіямъ: славянскому *c* (*s*) можетъ въ литовскомъ соотвѣтствовать или *c* (*s*), или *u* (*š*). Въ первомъ случаѣ въ нѣмецкомъ будетъ тоже *s* (*c*), во второмъ же—*h*. Старо-славянскому *ъ* (чередующемуся съ *и* (*i*) и съ *ь*) въ литовскомъ соотвѣтствуетъ *ai* (*aj*), чередующееся, смотря по формѣ, съ *ei* (*ej*) и съ *i*; въ нѣмецкомъ же—тоже *ai*, или *ei*, или *i* (причины этого разнообразія тоже опредѣлены, но чтобы не осложнять вопроса, оставимъ ихъ безъ вниманія). Наконецъ, старо-славянскому и вообще славянскому *м* въ языкахъ литовскомъ и нѣмецкомъ будетъ соотвѣтствовать тоже *м* (*m*). Поищемъ теперь, нѣтъ ли въ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, родственныхъ по „корню“ слову сѣмѣа, и корень которыхъ начинался бы съ согласнаго, соотвѣтствующаго первому славянскому *c* (*s*). Это долженъ бы быть корень *saīm*, или *seīm*, или *sim*; а словъ съ подобныхъ корней и со значеніемъ, хотъ сколько нибудь похожимъ на значеніе слова сѣмѣа, въ литовскомъ и нѣмецкомъ совершенно нѣтъ. Слѣдовательно, остается прибѣгнуть къ другому предположенію: нѣтъ ли въ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, корень которыхъ начинался бы въ литовскомъ съ *u* (*š*), а въ нѣмец-

комъ съ *h*? Такія слова есть, а именно: литовское *szeim-yna* (челядь) и нѣмецкое *heim*, *da-heim*, *heim-ath* (родина), *heim-weh*, готское *haim-s* (деревня, село). Конечно, всѣ эти слова родственны только по корню, то-есть, по главной морфемѣ, сочетающейся съ разнообразными суффиксами или придаточными морфемами. Съ этимъ различіемъ суффиксовъ совпадаетъ и разнообразіе гласныхъ въ корнѣ: или *ai*, или *ei*, или *i*, въ старо-славянскомъ или *ъ*, или *и* (*i*) или *ь*.

Славянское *с* (*s*), въ тѣхъ случаяхъ, когда въ литовскомъ ему соответствуетъ *sz*, а въ нѣмецкомъ *h*, развилось изъ первобытнаго *k*, сохранившагося въ латинскомъ и греческомъ въ видѣ *k*, а въ санскритѣ вообще давшаго *ç* (*ś*). На этомъ основывается возможность фонетическаго перевода корней слѣдующихъ словъ славянскихъ на корни родственныхъ имъ по „корню“ словъ другихъ языковъ:

серд-це (съ уменьшительнымъ суффиксомъ) — литовск., *szirdis* (сердце), готское *hairtô*, нѣмецк. *herz* (сердце) (славянскому и литовскому *d*, сообразно съ его двоякимъ происхожденіемъ, соответствуетъ въ готскомъ или *d* или *t*, въ нѣмецкомъ же или *t*, или же *z* (*u*) или *s* (*c*).

дес-ять—литовск. *desz-imtis*—готск. *taih-un*, древне-верхне-нѣмецкое *zēhan*, нѣмецк. *zehn*,—санскр. *daśa*.

сто, старо-слав. *съто*—литовск. *szimtas*—готск. *hund*, нѣмецк. *hundert*—санскр. *śatam*—латинск. *centum* (*kēntum*), греч. *hē-katón*.

весь (весь Божія), старо-слав. *вьсь* (дворъ, деревня)—литовск. *viesz*—въ *viesz-rats* (повелитель, то-есть, „владѣтель области“)—готск. *veih-s* (село, поле), нѣмецк. *weich-bild* (въ значеніи „территорія“)—санскр. *veç-as*, *veç-man* (домъ), *viç* (домъ, мѣстопробываніе), *viç-ratis* (хозяинъ)—лат. *vic-us*—греч. *oikos*.

порос-енокъ, старо-сл. *прасѣ*—литовск. *pàrszas*—древне-верхне-нѣмецк. *farah*, нѣм. *ferk-el*—латинск. *porc-us*.

солома, старо-сл. *слама*—древне-верхне-нѣм. *halam*, нѣмецк. *halm*—латинск. *culmus* (стебелекъ, солома)—греч. *kálamos* (тростникъ), *kalámē* (стебелекъ, солома).

срамъ (вошедшее въ русскій изъ церковно-славянскаго), рядомъ съ соромъ—нѣмецк. *harm* (огорченія, скорби), *harm-los* (безобидный, спокойный) и т. д.

Изъ предшествующаго видно, что „фонетическій переводъ“ самъ по себѣ не можетъ служить одною изъ составныхъ частей метода изслѣдованія, такъ какъ возможность его является только результа-

томъ индуктивныхъ сопоставленій и выводовъ. Но фонетическимъ переводомъ можно отлично пользоваться какъ педагогическимъ средствомъ при ознакомленіи начинающихъ съ точными звуковыми соответствіями.

Сказавъ нѣсколько словъ объ аріоевропейскихъ или индо-европейскихъ языкахъ вообще, перехожу теперь къ исчисленію отдѣльныхъ семей этой отрасли, на сколько о нихъ сохранились слѣды въ памятникахъ, или на сколько онѣ извѣстны по изслѣдованію живыхъ говоровъ. Многіе изъ этихъ языковъ, вѣроятно, исчезли безслѣдно.

Народы и племена, говорящіе на аріоевропейскихъ или индо-европейскихъ языкахъ, нарѣчіяхъ и говорахъ, живутъ сплошнымъ населеніемъ въ Европѣ, Азии и Америкѣ—въ этой послѣдней, конечно, только со времени ея открытія Европейцами.

Въ Азии ¹⁾ встрѣчаемъ двѣ большія семьи этихъ языковъ: индійскую и персидскую или иранскую.

1. Древнѣйшимъ представителемъ семьи индійской является языкъ ведаическій. Веды (Вѣды), то-есть, священныя книги Индусовъ, представляютъ собою вообще древнѣйшій памятникъ аріо европейской отрасли. Языкъ Ведъ (Вѣдъ), съ нѣкоторыми довольно значительными измѣненіями, и прежде всего съ устраненіемъ многихъ формъ, свойственныхъ древнѣйшему ведаическому языку, служитъ въ послѣдствіи общимъ литературнымъ языкомъ Индусовъ (Индійцевъ) подъ названіемъ санскрита. Слѣдовательно, настоящій санскритъ не есть вовсе языкъ народный, а только искусственный, священный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, литературный языкъ, въ томъ болѣе или менѣе родѣ, какъ въ былое время старо-славянскій для—Славянъ, латинскій для западныхъ Европейцевъ—въ средніе вѣка, а въ настоящее время италіанскій—для Италіанцевъ.

Впрочемъ слово санскритъ употребляется тоже для совмѣстнаго обозначенія какъ ведаическаго языка, такъ и санскрита въ тѣсномъ смыслѣ. Только въ такомъ случаѣ различаютъ санскритъ ведаическій и санскритъ классическій. Собственное же значеніе санскритскаго слова sāms-kr-ta- или sams-kr-tā- есть „сдѣлан-

¹⁾ При этомъ мы оставляемъ въ сторонѣ представителей славянской семьи въ русско-азиатскихъ владѣніяхъ.

ный", „оконченный“, „приготовленный“, „совершенный“, „правильно-образованный“, „классический“.

Изучение санскрита очень важно для изучения ариоевропейских или индо-европейских языков вообще, как вследствие подробного и удачного его анализа, совершенного еще туземными грамматиками, так и по свойствам самого языка, а именно по прозрачности его строя и по сохранению древнего состояния. Однако же не следует забывать, что санскритъ есть только одинъ изъ членовъ общей ариоевропейской семьи, что онъ, по отношенію къ другимъ ариоевропейскимъ языкамъ, есть не первобытный языкъ, а только производный, хотя впрочемъ сохранившійся въ самыхъ древнихъ памятникахъ. Стало быть, изучение санскрита не исчерпываетъ всего богатства вопросовъ, возбуждаемыхъ разсмотрѣніемъ всей ариоевропейской отрасли. Ограничиваясь подробнымъ историческимъ изученіемъ какой-нибудь другой семьи языковъ или же одного языка, напримѣръ, семьи славянской, германской, греческой и т. п., или же, напримѣръ, языка русскаго, литовскаго и т. п., можно, собственно говоря, отлично обойтись безъ знанія санскрита, хотя, съ другой стороны, никогда не помѣшаетъ усвоеніе себѣ отчетливаго знанія грамматической системы этого стариннаго языка. Но при всемъ этомъ слѣдуетъ избѣгать столь распространеннаго рабства передъ санскритомъ и не измѣрять явленій другихъ языковъ санскритскими категоріями. И даже во всякомъ случаѣ лучше не прибѣгать къ „сравненіямъ съ санскритомъ“, нежели щеголять съ ними безъ точнаго и основательнаго знанія этого языка. Между тѣмъ въ каждой европейской литературѣ, въ томъ числѣ и въ русской, есть книжки, въ которыхъ наобумъ сравниваются санскритскія слова со словами любого языка, вопреки здравому смыслу и безъ всякаго научнаго основанія.

Кромѣ санскрита, древними литературными языками индійской семьи являются пракритъ и пали.

„Пракритъ“ (prākṛta) значитъ „природный“, народный языкъ, въ противоположность санскриту какъ языку совершенному, классическому. Онъ извѣстенъ главнымъ образомъ изъ драмъ индійскихъ, въ которыхъ одни дѣйствующія лица говорятъ санскритомъ, другія же пракритомъ. Пракритъ служитъ выразителемъ чувствъ и мыслей всѣхъ женщинъ, затѣмъ мужчинъ, не принадлежащихъ къ двумъ привилегированнымъ кастамъ—военной (kshatriya) и духовной (brāhmaṇa). Только viśūṣaka (шутъ, скоморохъ), хотя и принадлежитъ къ духовной кастѣ, все же говоритъ въ драмахъ по пракритски, такъ какъ онъ яв-

ляется выразителемъ самаго „прозаическаго“, самаго „невозвышеннаго“ мировоззрѣнія, толкуя только о ѣдѣ, питьѣ и увеселеніяхъ. Кромѣ того, всѣ хоры въ индійскихъ драмахъ поются по пракритски. Надо замѣтить, что „пракритъ“ не означаетъ какого-нибудь одного, однороднаго языка, а напротивъ того является общимъ обозначеніемъ нѣсколькихъ діалектическихъ оттѣнковъ „народнаго“ языка литературы.

Пали (Pāli) является по преимуществу священнымъ языкомъ буддистовъ.

Главные діалектическіе оттѣнки живущихъ въ настоящее время нарѣчій и говоровъ Индійскаго племени распадаются на слѣдующія группы:

Гиндустани (Hindustani),

Бенгали (Bengali),

Кафиръ (Kafir)—на возвышенной плоскости Гиндукуша.

Цыганскіе говоры представляютъ тоже отпрыскъ индійской семьи языковъ. Такимъ образомъ, Цыгане являются ближайшими этнографическими родственниками восточныхъ Индійцевъ или Индусовъ.

Весьма замѣчателенъ языкъ поэтовъ (Kavi) на островѣ Явѣ (Java), такъ какъ съ матеріаломъ словъ индійскаго происхожденія въ немъ соединена форма языковъ дравидскихъ, не принадлежащихъ вовсе къ ариоевропейской отрасли, пѣчто въ родѣ кяхтинскаго китайскаго нарѣчія русскаго языка.

2. Въ иранской (эранской) или персидской семьѣ языковъ имѣются два древніе представителя:

1) языкъ древне-персидскій, сохранившійся въ клинообразныхъ надписяхъ царей изъ династіи Ахеменидовъ, съ Кира до Александра Великаго, и

2) языкъ древне-бактрійскій или зендъ, то-есть, языкъ священныхъ книгъ, приписываемыхъ Заратустрѣ или Зороастру, съ діалектическимъ оттѣнкомъ гатъа (gāthā) (языкъ пѣсенъ).

Болѣе поздняго происхожденія слѣдующіе литературные языки эранской семьи: Гузварешъ (Huzvāresch) или Пэхлэви (Pehlevi) и Пазендъ (Pazend) или Парси (Parsi).

Въ настоящее время существуетъ ново-персидскій языкъ съ разными нарѣчіями и говорами.

Къ эранской же семьѣ причисляются языки Курдовъ, Афганцевъ, языкъ осетинскій и т. д.

Что же касается армянскаго или ормянскаго языка, то хотя

онъ тоже причисляется къ эранской семьѣ, но скорѣе представляетъ особую семью аrioевропейскихъ языковъ, близкую, правда, къ эранской, но все-таки довольно рѣзко отъ нея отличающуюся.

Точно также, на сколько можно заключать по дошедшимъ до насъ памятникамъ, совершенно особую семью составляли аrioевропейскіе языки Малой Азіи—ликійскій, фригійскій и т. п.

Главное мѣстопребываніе племенъ, говорящихъ на аrioевропейскихъ языкахъ, — Европа. Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующія главные семьи этой отрасли языковъ: греческую, албанскую, италійскую или романскую, кельтскую, германскую, литовскую и славянскую.

3. Греческая семья, древними представителями которой являются разные діалекты древне-греческаго или эллинскаго языка. Главные діалекты были слѣдующіе: дорическій, эолическій, іоническій и аттический, изъ котораго впоследствии развился общій литературный языкъ всѣхъ Грековъ (*koiné diálektos*). Всѣ эти діалектическія видоизмѣненія составляютъ группу греческую въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Ближайше родственными ей являются въ древнее время нарѣчія македонское, мессанійское (въ южной Италіи) и т. д.

Въ наше время существуетъ литературный ново-греческій языкъ и разнообразные ново-греческіе народные говоры.

4. Нѣкоторые причисляютъ къ Греческому племени и Албанцевъ или Арнаутовъ, но ихъ ближайшее родство съ Греками нѣсколько сомнительно. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это потомки древнихъ „Пелазговъ“. Какъ бы то ни было, албанскій языкъ и албанскіе говоры составляютъ въ области аrioевропейской особую семью, отличную отъ греческой.

Что касается исчезнувшихъ языковъ „Даковъ“, „Фракійцевъ“ и т. д., то о нихъ трудно судить по скудости и запутанности матеріаловъ.

5. Италійская или романская семья, на сколько она отпечатлѣлась въ памятникахъ, представляетъ въ древнее время двѣ вѣтви:

умбрско-самнитскую, состоявшую изъ языка умбрскаго, вольскаго, осскаго и сабельскихъ говоровъ, и

латинскую, то-есть, языкъ латинскій съ его народными говорами.

Принадлежность этрусскаго языка къ италійской семьѣ болѣе

чѣмъ сомнительна. Попытку Корсена (Corssen) доказать эту принадлежность слѣдуетъ считать не удавшеюся, точно также какъ и попытку одного изъ англійскихъ ученыхъ показать близкую связь языка этрусскаго съ языками туранскими или финско-тюркскими.

Послѣ паденія Римскаго государства языкъ латинскій продолжалъ существовать какъ литературный, но значительно измѣнился подъ вліяніемъ народныхъ говоровъ разныхъ странъ, населенныхъ „Романскимъ“ племенемъ. Это дало начало средне-латинскому языку, примѣнявшемуся въ письменности среднихъ вѣковъ, конечно, не въ однообразномъ видѣ, но въ различныхъ діалектическихъ оттѣнкахъ. Какъ въ направленіи географическомъ (діалектическомъ), такъ и въ хронологическомъ, этотъ языкъ подвергался постепенному перерожденію. Въ этомъ отношеніи можно различать два главные типа: болѣе древній (средне-латинскій) и болѣе поздній (ново-латинскій), употреблявшійся въ концѣ среднихъ вѣковъ и вытѣсненный черезъ возстановленіе въ литературѣ, въ эпоху „возрожденія“, древняго настоящаго латинскаго языка.

Рядомъ съ литературнымъ языкомъ латинскимъ, видоизмѣнявшимся съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ родственныхъ ему народныхъ говоровъ, жили сами эти народные говоры, сводившіеся къ нѣсколькимъ главнымъ типамъ. Нѣкоторые изъ этихъ народныхъ говоровъ дали начало особымъ литературнымъ языкамъ. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ слѣдующія семь главныхъ группъ романскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ:

1) Группа италіанская, состоящая изъ значительнаго количества самыхъ разнообразныхъ говоровъ. Литературнымъ представителемъ этой группы является языкъ италіанскій, по которому однакожъ никакъ нельзя заключать о характеристическихъ особенностяхъ большинства живыхъ народныхъ говоровъ италіанскихъ. Различіе между такъ-называемымъ италіанскимъ языкомъ, и напимѣръ, говоромъ миланскимъ или неаполитанскимъ гораздо больше, нежели между тѣмъ же италіанскимъ языкомъ и древнимъ языкомъ Римлянъ, то-есть, языкомъ латинскимъ. Это объясняется тремя причинами—діалектической, литературною и хронологической.

Относительно первой причины, можно замѣтить, что въ то время, когда слагался теперешній литературный языкъ Италіанцевъ (то-есть, во времена Данта), существовали всѣ тѣ же діалектическіе оттѣнки италіанскихъ говоровъ, что и въ настоящее время; народнымъ же основаніемъ для литературнаго языка послужили говоры средней

Италии, говоры Тосканы (Флоренция и др.) и Романьи (Рима), в то время, какъ и теперь, являвшиеся рядомъ съ говорами Венеціанскаго края, самыми консервативными, то-есть, менѣе всего измѣнившимися отъ своего древняго состоянія, иначе, самыми близкими къ языку латинскому. Не подлежитъ сомнѣнію, что Генуэзецъ или же Сициліецъ XIII и XIV вѣковъ почти также мало понималъ, безъ особаго обученія, литературный италіанскій языкъ, какъ и его потомокъ въ настоящее время.

Само собою разумѣется, что Дантъ и другіе писатели, создавшіе литературный языкъ Италии, при выборѣ тосканскаго нарѣчія руководствовались прежде всего его консервативностью и близостью къ языку латинскому. Мало того: даже выбравъ для литературныхъ цѣлей тосканское нарѣчіе, они все-таки не заимствовали его цѣликомъ, но напротивъ того, устранили изъ него нѣкоторые характеристическія особенности, съ цѣлью сблизить созданный такимъ образомъ новый литературный языкъ съ языкомъ латинскимъ. Такимъ образомъ въ литературный языкъ Италии съ самаго начала вошли особенности не только одного изъ живыхъ италіанскихъ нарѣчій, но и особенности отлично извѣстнаго въ то время всѣмъ ученымъ и литераторамъ языка латинскаго. Это — вторая, литературная, причина великой близости языка италіанскаго и латинскаго и значительнаго различія между тѣмъ же италіанскимъ языкомъ и большинствомъ живыхъ италіанскихъ говоровъ. Подобное явленіе можно отмѣтить всегда, если извѣстный, вновь создающійся литературный языкъ не вырабатывается на родной почвѣ вполне самостоятельно, но имѣетъ родственныхъ ему, болѣе древнихъ предшественниковъ. Такъ, между прочимъ, сложился русскій литературный языкъ, представившій съ самаго начала собственно церковно-славянскій языкъ, видоизмѣненный подъ вліяніемъ одного изъ живыхъ русскихъ говоровъ или же группы говоровъ. Самъ же церковно-славянскій языкъ, какъ перерожденіе древняго старо-славянскаго, представляетъ, по отношенію къ этому послѣднему, болѣе или менѣе то же самое, что средневѣковый латинскій по отношенію къ древнему латинскому.

Наконецъ, хронологическая причина вышеупомянутаго явленія заключается въ томъ, что италіанскій литературный языкъ, разъ сложившись и окончательно установившись, дошелъ до насъ только съ незначительными измѣненіями, касающимися болѣе слога и построенія фразъ, нежели формъ, и какъ можно полагать, звуковъ, — между тѣмъ, какъ развивающіеся вполне „естественнымъ“ путемъ на-

родные говоры лишены этого предохранительнаго вліянія литературнаго воздѣйствія и измѣняются гораздо скорѣе.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что литературный италіанскій языкъ съ самаго начала своего появленія получилъ печать „искусственности“ и исключительнаго употребленія въ литературѣ, въ школахъ, въ администраціи и въ торжественныхъ случаяхъ. Въ обыденной жизни его, вѣроятно, никогда не употребляли, какъ и теперь не употребляютъ. Піемонтецъ говоритъ по піемонтски, Миланецъ по милански, Венеціанецъ по венеціански и т. д., а ничуть не по италіански. Въ Миланѣ даже такъ-называемые „высшіе слои“ общества употребляютъ въ обыкновенномъ разговорѣ мѣстный діалектъ. Только въ послѣднее время, вслѣдствіе унифицирующихъ стремленій, вслѣдствіе вліянія школы, обязательной военной службы и т. д., употребленіе общаго италіанскаго языка все болѣе и болѣе распространяется.

2) Въ италіанской группѣ слѣдуетъ отличать такъ-называемую ладинскую полосу (zona ladina). Эта — незначительная территория, распадаящаяся на три изолированныя части: одну часть составляютъ Гриджоны (Grigioni) или Гризоны въ Швейцаріи, другую — Ладины въ Тиролѣ, отдѣляющіе нѣмецкое населеніе отъ настоящаго италіанскаго, и наконецъ, Фурланы или Фриуляне (Friuliani, Furlans) во Фриулѣ, то-есть, въ Италиі, съ городами Удине (Udine) и Чивидале (Cividale), и въ Австріи, гдѣ занимаютъ южную часть Горизскаго графства (Gorizia, Görz), населеннаго въ остальномъ Славянами.

3) Третью группу романскихъ говоровъ составляетъ группа провансальская, названная такъ по литературному ея представителю, средневѣковому провансальскому языку трубадуровъ. Названіе же „провансальскаго“ языка — географическаго происхожденія (отъ французской провинціи Provence). Въ настоящее время нѣтъ одного провансальскаго литературнаго языка, но все-таки появляются книги на родственныхъ ему говорахъ, приспособленныхъ для литературнаго употребленія. Провансальскіе говоры занимаютъ югъ Франціи, стало быть, территорію, на которой господствующимъ литературнымъ языкомъ является языкъ французскій, да кромѣ того, сѣверо-востокъ Испаніи. Этимъ говорамъ въ ихъ совокупности присвоивается также названіе „langue d'oc“ (языкъ „ок“, гдѣ „ок“ есть утвердительное словечко, соотвѣтствующее французскому oui (такъ), и развившееся, какъ и это послѣднее, изъ латинскаго hoc (это). Упомянутое названіе рас-

пространено, какъ терминъ географическій, на старинную французскую провинцію Languedoc (Лангедокъ), на западъ отъ Прованса.

4) Четвертую группу романскихъ говоровъ представляетъ группа французская, литературнымъ представителемъ которой является языкъ французскій, принадлежащій къ самымъ распространеннымъ всемирнымъ языкамъ, и кромѣ Франціи, принятый официально-литературнымъ языкомъ въ Бельгіи, въ Люксембургѣ и отчасти въ Швейцаріи, и „дипломатическимъ“ — во всей Европѣ. Народные французскіе говоры разнятся между собою, вѣроятно, не меньше италянскихъ.

Особую группу представляютъ говоры Валлоновъ (Wallons) въ сѣверо-восточной Франціи и въ Бельгіи.

5) Группа испанская господствуетъ въ настоящее время не столько въ Европѣ, сколько въ южной Америкѣ, точно также, какъ и

6) группа португальская.

7) Последнюю, выдающуюся группу романскихъ говоровъ составляетъ группа румынская (румынская) или дако-романская (молдаво-волошская). Говорящіе на говорахъ той группы живутъ прежде всего въ независимой Румуніи (Придунайскихъ княжествахъ), и затѣмъ, въ Австріи (въ Семиградскомъ, въ Венгріи и въ Буковинѣ), въ Россіи (въ Бессарабіи), въ восточной части княжества Сербскаго и въ теперешней Болгаріи. Особую немногочисленную вѣтвь Румуновъ составляютъ Джиндзары или Куцо-Влахи, разсѣянные по прежнимъ и теперешнимъ турецкимъ владѣніямъ и живущіе сплошною массою между Албанцами и Греками, какъ въ Турціи, такъ и въ Греціи.

8) На сколько можно судить по историческимъ преданіямъ, кельтская семья въ древнее время была гораздо болѣе распространена, нежели въ настоящее. Теперь она занимаетъ только французскую Бретань, Ирландію, Уэльсъ (Wales) и незначительную часть Шотландіи. Да и то о сплошномъ кельтскомъ населеніи можно говорить только относительно. Лишенные какъ политической, такъ и культурно-литературной независимости, Кельты примыкаютъ то къ Французамъ, то къ Англичанамъ, и вслѣдствіе того, съ одной стороны перемѣшаны съ французскими или же англійскими поселенцами, съ другой же — знаютъ сами или французскій, или англійскій господствующій языкъ. Многіе потомки прежнихъ Кельтовъ теперь уже не говорятъ по кельтски. Для нѣкоторыхъ усвоеніе себѣ высшей культуры равносильно отчужденію отъ прежней національности. Въ этомъ отноше-

ніи кельтскія земли представляютъ такое же зрѣлище, какъ земли литовскія (по крайней мѣрѣ отчасти), или земли славянскія, находящіяся во владѣніи племенъ романскихъ, германскихъ или мадьярскаго (Славяне въ Италіи, Лужичане, Поляки въ Силезіи, Словаки въ Венгріи и т. п.). Точно также такъ-называемые „инородцы“ въ Россіи, становясь людьми „культурными“, обыкновенно перестаютъ употреблять въ разговорѣ свой родной языкъ и пользуются для этой цѣли языкомъ русскимъ, хотя очень часто ихъ культурный уровень совершенно при этомъ не возвышается.

Вообще кельтская семья распадается на двѣ вѣтви, значительно другъ отъ друга отличающіяся:

1) Вѣтвь ирская или гадхельская, къ которой принадлежатъ

а) говоры ирскіе, въ Ирландіи, древнѣйшимъ литературнымъ представителемъ коихъ является языкъ древне-ирскій. Отъ этого языка имѣются памятники не раньше VIII столѣтія послѣ Р. Х.

б) Другую группу вѣтви ирской составляютъ говоры гальскіе въ Шотландіи.

2) Вѣтвь британскую или кимврійскую составляютъ:

а) языкъ древне-гальскій,

б) говоры уэльскіе (вельшскіе) или валлійскіе, въ Уэльсѣ (Wales),

в) говоры корнуэльскіе или языкъ корнуэльскій (корнійскій), существовавшій раньше въ юго-западной провинціи Англіи Корнуэль (Cornwall) и исчезнувшій (вымершій) окончательно около 1750 г.,

г) говоры бретанскіе или армориканскіе во французской Бретани. „Армориканскій“ значитъ „поморскій“, отъ аг-мор.

9) Самою распространенною между аrio-европейскими или индоевропейскими является семья германская. Изъ народовъ, создавшихъ независимыя государства, къ ней принадлежатъ Нѣмцы (въ настоящее время Германская имперія съ принадлежащими ей вассальными государствами), Голландцы, Англичане, сѣверные Американцы, Датчане, Шведы и Норвежцы. Затѣмъ, въ Австріи Нѣмцы представляютъ еще теперь преобладающій элементъ, навязавшій свой языкъ, какъ языкъ школы и администраціи, другимъ національностямъ этого многоязычнаго государства. Наконецъ, сплошное населеніе, принадлежащее къ германской семьѣ, живетъ въ Бельгіи, въ нидерландскихъ (голландскихъ) и англійскихъ колоніяхъ, а

отдѣльныя нѣмецкія поселенія находятъ въ Италіи, въ Россіи, въ Турціи, и кажется, даже въ Испаніи.

Германская семья распадается на три главныя вѣтви:

1) Готскую. На языкахъ, принадлежащихъ къ этой вѣтви, говорили племена, извѣстныя въ исторіи среднихъ вѣковъ подъ названіемъ Готовъ или Готеовъ. Племена эти смѣшались съ племенами не германскаго происхожденія, лишившись при этомъ своего языка, такъ что эта вѣтвь германской семьи аrio-европейскихъ языковъ вымерла, какъ говорится, безъ потомковъ. Только одно изъ нарѣчій этого племени развилось въ свое время въ литературный языкъ, на которомъ написана Библия (собственно Новый Заветъ, Вулфилы или Улфилы (Vulfilas, Ulfilas) и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ памятниковъ.

Отъ языка Лонгобардовъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ германскихъ, извѣстныхъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ, осталось слишкомъ мало памятниковъ (въ родѣ отрывочныхъ словъ и выраженій, записанныхъ лѣтописцами) для того, чтобы можно было опредѣлить ихъ ближайшую принадлежность. Отъ языка Вандаловъ, кажется, положительно ничего не осталось.

2) Другую, въ достаточной степени извѣстную вѣтвь германской семьи языковъ составляетъ вѣтвь нордійская (сѣверная) или скандинавская.

Древнѣйшимъ представителемъ этой вѣтви является языкъ древне-нордійскій или древне-сѣверный (altnordisch), то-есть, языкъ двухъ скандинавскихъ Эддъ (Edda's).

Затѣмъ, къ той же вѣтви принадлежатъ и въ настоящее время нарѣчія и говоры исландскіе, норвежско-датскіе (датско-норвежскіе) и шведскіе съ литературными языками исландскимъ, норвежскимъ, датскимъ и шведскимъ.

3) Третья вѣтвь германскихъ языковъ называется вѣтвью германскою по преимуществу или нѣмецкою (deutsch). Въ ней мы можемъ отличать двѣ обширныя группы: нижне-нѣмецкую (niederdeutsch, plattdeutsch) и верхне-нѣмецкую (hochdeutsch). Названія эти заимствованы отъ того, что на первоначальной (исторически извѣстной) родинѣ Нѣмцевъ, Нѣмцы, говорящіе на „верхне-нѣмецкомъ“ (hochdeutsch), занимаютъ южную, болѣе возвышенную и гористую часть территоріи, Нѣмцы же нарѣчій и говоровъ „нижне-нѣмецкихъ“ (niederdeutsch)—часть общей территоріи сѣверную, низменную, къ морю наклоненную.

Изъ древнихъ представителей нижне-нѣмецкой группы мы можемъ назвать сохранившіеся въ памятникахъ языки древне-саксонскій (altsächsisch), англо-саксонскій (angelsächsisch) и нѣкоторые другія видоизмѣненія древняго нижне-нѣмецкаго.

Выселившись въ Британію и смѣшавшись тамъ съ древними Бритами, кельтскаго происхожденія, древніе Англо-Саксонцы сохранили все-таки свой языкъ и навязали его прежнимъ туземцамъ. Покорившіе ихъ впослѣдствіи Французскіе Норманы или Нормандцы (принесшіе съ собою изъ Франціи французскій языкъ) подчинились культурному вліянію Англо-Саксонцевъ и усвоили себѣ ихъ языкъ. Хотя, вслѣдствіе французско-норманскаго вліянія, вошло въ англо-саксонскій языкъ очень много французскихъ словъ, оборотовъ и даже отдѣльных формъ, тѣмъ не менѣе этотъ языкъ сохранилъ вполне свой германскій типъ и не пересталъ быть языкомъ англо-саксонскимъ, живущимъ въ разнообразныхъ говорахъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ англо-саксонскихъ говоровъ въ Британіи дало новѣйшіе англійскіе говоры съ литературнымъ англійскимъ языкомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ государственнымъ языкомъ Великобританіи и Ирландіи, Восточной Индіи, разныхъ другихъ англійскихъ колоній, и наконецъ, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Вообще англійскій языкъ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ языкамъ земнаго шара.

Другимъ языкомъ литературно-государственнымъ, развившимся изъ говоровъ нижне-нѣмецкой группы, является языкъ голландскій или нидерландскій. Ближайше-родственные этому языку народные говоры (нижне-нѣмецкіе, niederdeutsch) принадлежатъ племенамъ, населяющимъ, кромѣ Голландіи, часть Бельгіи (Фламандцы), и затѣмъ, всю сѣверную Германію. Здѣсь особую группу составляютъ говоры Фризовъ или говоры фризскіе. Въ самой Германіи выработался въ новѣйшее время особый нижне-нѣмецкій литературный языкъ niederdeutsch, plattdeutsch), на которомъ писалъ, между прочимъ, знаменитый поэтъ Фрицъ Рейтеръ (Fritz Reuter).

Область, занимаемая племенами, говорящими на верхне-нѣмецкихъ (hochdeutsch) народныхъ говорахъ, значительно меньше той области, на которой господствуютъ языки, принадлежащіе къ группѣ нижне-нѣмецкой. Весьма разнообразныя народные говоры верхне-нѣмецкіе живутъ въ настоящее время въ южной (большей) половинѣ Германской имперіи (включая сюда Эльзасъ), въ нѣмецкой части Швейцаріи, въ провинціяхъ Австріи, населенныхъ Германскимъ племенемъ, и наконецъ, въ тѣхъ мѣстахъ Россіи и Польши, гдѣ встрѣчается

сплошное нѣмецкое населеніе, но не исключительно, такъ какъ въ Россіи и Польшѣ живутъ тоже Нѣмцы, говорящіе на діалектахъ ниже-нѣмецкихъ (plattdeutsch).

Въ разные періоды жизни нѣмецкаго народа верхне-нѣмецкіе говоры давали начало различнымъ литературнымъ и литературно-государственнымъ языкамъ. Древнѣйшій видъ подобнаго литературнаго примѣненія верхне-нѣмецкихъ говоровъ представляетъ языкъ древне-верхне-нѣмецкій (althochdeutsch) въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ, употреблявшійся письменно съ VII по XII столѣтіе. Средній періодъ въ примѣненіи верхне-нѣмецкихъ говоровъ къ потребностямъ литературы представляетъ языкъ средне-верхне-нѣмецкій (mittelhochdeutsch), памятники котораго простираются съ XII по XIV столѣтіе. Главный памятникъ— „народный эпосъ“ о Нибелунгахъ (Der Nibelunge Nôt).

Совершенно независимо отъ средне-верхне-нѣмецкаго, во времена реформации, и главнымъ образомъ по почину Лютера, сложился новѣйшій видъ верхне-нѣмецкаго литературнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнаго языка, языкъ новый верхне-нѣмецкій (neuhochdeutsch) или нѣмецкій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Лютеръ воспользовался по преимуществу языкомъ, употреблявшимся въ саксонскихъ канцеляріяхъ. Языкъ этотъ, съ незначительными измѣненіями, продолжаетъ существовать и въ настоящее время какъ языкъ литературы, школы, администраціи и, наконецъ, какъ разговорный языкъ такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ во всей Германской имперіи (за исключеніемъ частички прежнихъ польскихъ владѣній, равно какъ Эльзаса и Лотарингіи), затѣмъ—въ Австріи, на сколько она является германскою, въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи, и наконецъ, въ Россіи (не говоря уже о нѣмецкихъ выселенцахъ въ Америкѣ). Нелишне упомянуть, что въ Швейцаріи языкомъ военной команды въ пѣхотѣ и кавалеріи служитъ языкъ нѣмецкій, а въ артиллеріи—французскій.

Особое видоизмѣненіе нѣмецкаго языка представляетъ языкъ, или какъ нѣкоторые называютъ, „жаргонъ“, на которомъ говорятъ Евреи (отчасти) въ самой Германіи, затѣмъ въ Польшѣ, Россіи, Австріи и (отчасти) Румыніи.

8) Литовская семья принадлежитъ къ самымъ малочисленнымъ семьямъ аrio-европейской или индо-европейской отрасли. Рядомъ съ нею можно поставить въ этомъ отношеніи только Албанцевъ (са-

мыхъ малочисленныхъ) и затѣмъ теперешнихъ Кельтовъ (которыхъ нѣсколько болѣе, чѣмъ Литовцевъ съ Латышами).

Литовская семья вообще распадается на двѣ группы: 1) литовскую въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и 2) латышскую.

Одинъ изъ діалектовъ литовской семьи въ тѣсномъ смыслѣ сохранился только въ скудныхъ письменныхъ памятникахъ отъ XVI столѣтія, но въ живомъ употребленіи пересталъ существовать, такъ какъ потомки говорившихъ на немъ овѣмечились, передавъ свое имя государству, создавшему въ новѣйшее время Германскую имперію и стоящему во главѣ ея. Это языкъ—старо-прусскій или древне-прусскій (altpreussisch), то-есть, языкъ древнихъ Пруссовъ, частью истребленныхъ, частью же ассимилированныхъ Нѣмцами-крестоносцами, заимствовавшими отъ нихъ свое названіе, какъ названіе географическое, то-есть, названіе страны, въ которой жили древніе Пруссаки-Литовцы.

Въ настоящее время Литовцы живутъ въ Восточной Пруссіи и, затѣмъ, по преимуществу въ Россіи и Царствѣ Польскомъ (то-есть, въ губерніяхъ Ковенской, въ части Виленской и Сувалской). Литовскіе говоры распадаются на нѣсколько группъ. Самыя значительныя (хотя въ сущности весьма незначительныя) отличія имѣются между „верхними“ Литовцами (Hochlitauer) или Литвинами и Жмудинами или Жемайтчами (Samagitier). Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что названія „Жмудины“ и „Литвины“ (Литовцы) въ лингвистико-этнографическомъ смыслѣ далеко не совпадаютъ съ ихъ историческимъ значеніемъ и съ ихъ популярнымъ употребленіемъ въ настоящее время. Многіе называютъ „Жмудинами“ всѣхъ настоящихъ Литовцевъ, въ противоположность „Литвинамъ“, то-есть, людямъ не литовскаго, но славянскаго этнографическаго происхожденія, живущимъ въ Литвѣ, или же въ противоположность „Литвинамъ“, какъ вообще жителямъ исторической Литвы безъ различія ихъ происхожденія. При такомъ взглядѣ вмѣсто названія „литовскій языкъ“ употребляютъ „языкъ жмудскій“.

Литовскій языкъ слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ считать языкомъ литературы, такъ какъ онъ служитъ органомъ особой письменности, состоящей не изъ однихъ такъ-называемыхъ произведеній народнаго творчества, но и изъ сочиненій индивидуальнаго характера. Въ прежнее время центръ литературной дѣятельности Литовцевъ былъ въ предѣлахъ Русскаго государства; теперь онъ перенесся въ Пруссію, гдѣ даже основано въ Тильзитѣ (Tilsit) общество любителей литов-

скаго языка и словесности. Слѣдуетъ замѣтить, что между литературною дѣятельностью Литовцевъ въ Россіи и въ Пруссіи мало общаго. Ихъ раздѣляетъ, во первыхъ, принадлежность къ разнымъ государственнымъ особямъ, а во вторыхъ, религія: русско-польскіе Литовцы—католики, прусскіе же—лютеране.

Въ гораздо лучшихъ обстоятельствахъ живутъ Латыши. Племя, говорящее на латышскихъ говорахъ, изъ среды которыхъ выросъ литературный латышскій языкъ, живетъ въ губерніяхъ Курляндской, въ половинѣ Лифляндской и (въ незначительномъ количествѣ) въ Витебской. Латыши—по преимуществу протестанты, частію же православные.

Изъ живущихъ въ настоящее время аrio-европейскихъ языковъ литовскій языкъ сохранилъ древнѣйшее состояніе, какъ со стороны звуковъ, такъ и со стороны формъ. Въ этомъ отношеніи онъ немногимъ уступаетъ санскриту. Но изученіе литовскаго языка для чисто лингвистическихъ цѣлей гораздо важнѣе изученія санскрита, и именно потому, что санскритъ сохранился только въ письменныхъ памятникахъ, а литовскій языкъ живетъ до сихъ поръ въ устахъ народа; слѣдовательно, мы всегда можемъ провѣрить возникающія сомнѣнія и изучить этотъ языкъ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ до мельчайшихъ тонкостей и подробностей. Литовскій языкъ мы можемъ непосредственно наблюдать и даже производить въ его области, относительно напимѣръ, его антропофонической (звуко-физиологической) стороны, извѣстнаго рода опыты; между тѣмъ, имѣя дѣло съ санскритскими памятниками, мы, относительно нѣкоторыхъ весьма важныхъ особенностей свойственнаго имъ языка, обречены на вѣчное незнаніе.

9) Послѣднюю аrio-европейскую семью въ Европѣ (а теперь уже и въ Азій, то-есть, въ Сибири) составляетъ самая славянская. Сначала представимъ ея чисто лингвистико-этнографическое дѣленіе, и затѣмъ скажемъ только нѣсколько словъ о литературныхъ, литературно-церковныхъ и литературно-государственныхъ языкахъ, выросшихъ на ея почвѣ.

Съ чисто-естественной (лингвистико-этнографической или діалектологической) точки зрѣнія, славянская семья распадается на слѣдующія вѣтви:

1) Вѣтъ русская, самая обширная и многочисленная, распадается прежде всего на группу нарѣчій и говоровъ великорусскихъ или сѣвернорусскихъ, и затѣмъ, на группу нарѣчій и го-

воровъ малорусскихъ или южнорусскихъ. Великоруссы живутъ въ одной только Россіи, Европейской и Азіатской, Малоруссы же, кромѣ Россіи, населяютъ еще нѣкоторую часть территоріи Австро-Венгріи (часть Галиціи, Буковины и Венгріи).

Отъ великорусской группы въ обширномъ смыслѣ этого слова отдѣляется группа говоровъ бѣлорусскихъ (кривичскихъ), носители которыхъ, то-есть, говорящіе на нихъ люди, живутъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Россіи (частію въ Смоленской, затѣмъ въ Витебской, Могилевской, Минской, Виленской и Гродненской).

Великорусская группа въ тѣсномъ смыслѣ (безъ бѣлорусской) распадается на двѣ главныя части: сѣверную, „окающую“, и южную, „акающую“, не говоря о менѣе значительныхъ діалектическихъ оттѣнкахъ. Конечно, всѣ эти названія пока весьма относительныя, въ виду особенно малаго знакомства съ отличительными чертами отдѣльныхъ русскихъ говоровъ и съ ихъ географическимъ распредѣленіемъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, нельзя установить рѣзкой границы между говорами бѣлорусскими и малорусскими, съ одной стороны, а съ другой стороны—между говорами малорусскими и великорусскими въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Недостатокъ данныхъ не позволяетъ рѣшить, на сколько вѣрно это мнѣніе. Теоретически въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Какъ въ области великорусской, такъ и въ области малорусской, можно отличить нѣсколько діалектическихъ оттѣнковъ. Но здѣсь эти оттѣнки не столь значительны, что совпадаетъ съ меньшею пространственностью Малорусскаго племени.

2) Если и нѣтъ рѣзкой, опредѣленной границы между говорами великорусскими и малорусскими, то ужъ во всякомъ случаѣ говоры польскіе своими характеристическими особенностями рѣзко отличаются отъ сосѣднихъ имъ говоровъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ.

По своимъ главнымъ, древнѣйшаго происхожденія характеристическимъ особенностямъ, польскіе говоры составляютъ одну группу съ говорами кашубскими, полабскими и лужицкими. Эти три только что названныя группы принадлежатъ Славянамъ, все болѣе ассимилируемымъ окружающимъ ихъ Нѣмецкимъ племенемъ.

Отъ полабскихъ (на Эльбѣ живущихъ) Славянъ не осталось теперь ни одного человѣка: послѣдній, говорившій по-полабски, умеръ въ прошломъ столѣтіи; потомки же прежнихъ Полабовъ или Полаблянъ совершенно онѣмечены. Кромѣ названія, единственнымъ слѣ-

домъ существованія когда-то Полабовъ служатъ скудные письменные памятники (писанные Нѣмцами) и мѣстныя названія ихъ прежней территоріи, на сколько нивелирующая рука германизаторовъ не стерла ихъ съ лица земли, какъ это заранѣе, еще до полного оѣмеченія Польскаго племени, съ замѣчательнымъ вандализмомъ старается она дѣлать въ польской части великаго герцогства Познанскаго.

Кашубовъ весьма немного, и живутъ они неподалеку отъ Данцига. Прогрессъ нѣмеченія ихъ можно прослѣдить исторически.

Лужичане или Сорбы (Сербы) окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами и тоже таятъ по немножку: численность ихъ постоянно уменьшается. Они живутъ еще въ Саксоніи (около Бауцена или Будышина) и въ Брандебургѣ (около Котбуса или Хотебужа) и распадаются на двѣ главныя части: Верхнихъ Лужичанъ (преимущественно въ Саксоніи) и Нижнихъ Лужичанъ (преимущественно въ Брандебургѣ).

Единственнымъ этнографически сильнымъ племенемъ этой группы является племя Польское, хотя и оно на своихъ западныхъ окраинахъ испытываетъ ту же участь, что его ближайшіе родичи, Кашубы и Лужичане, то-есть, или само постепенно нѣмечится, или же уступаетъ напору Нѣмцевъ, движущихся пока все болѣе и болѣе къ востоку. Это происходитъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ Прусскаго королевства — въ восточной и западной Пруссіи, въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ, и наконецъ, въ Силезіи, — хотя и въ предѣлахъ Русскаго государства Нѣмецкое племя подвигается все болѣе на востокъ, вытѣсняя Поляковъ и Литовцевъ изъ ихъ прежнихъ владѣній.

Кромѣ Пруссіи, Поляки живутъ сплошнымъ населеніемъ въ Австріи (въ австрійской Силезіи и въ Галиціи), въ Царствѣ Польскомъ (кромѣ нѣкоторыхъ частей губерній Сувальской, Сѣдлецкой и Люблинской), и затѣмъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ губерній Виленской и Гродненской. Перемѣшанные съ Литовцами, съ Бѣлоруссами и Малоруссами, Поляки живутъ вообще въ городахъ, въ мѣстечкахъ и деревняхъ западныхъ губерній Россіи, въ особенности же — въ губерніяхъ Волынской, Гродненской, Виленской, Ковенской и Минской.

Конечно, въ области польской группы славянскихъ говоровъ есть нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ видоизмѣненій или діалектическихъ отгѣнковъ; но теперешнее состояніе польской діалектологіи не позволяетъ намъ сказать въ этомъ отношеніи ничего точнаго. Можно только отмѣтить отличіе говоровъ такъ-называемыхъ

„мазурскихъ“, силезскихъ (въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ), польско-карпатскихъ, курпичскихъ и т. д.

3) Слѣдующая вѣтвь, чешско-словацкая или словацко-чешская, распадается на двѣ главныя группы: словацкую и чешско-моравскую. Словаки населяютъ сѣверо-западный уголъ Венгріи, а Чехи или Чехо-Моравяне — славянскую часть Чехіи, Моравіи и непольскую территорію австрійской Силезіи. Незначительные отпрыски Чешско-Моравскаго племени существуютъ также въ прусской Силезіи, не говоря уже о чешскихъ поселеніяхъ въ Россіи, напримеръ, въ Волынской губерніи.

Діалектологія чешская довольно разработана, но все-таки не настолько, чтобы можно было съ точностью отдѣлить главныя группы чешско-моравскихъ говоровъ. Достаточно будетъ констатировать фактъ, что и здѣсь, какъ въ прочихъ областяхъ, встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе значительное разнообразіе.

4) Вѣтвь сербо-хорвато-словинская отдѣлена отъ только что названной населеніемъ нѣмецкимъ и венгерскимъ. Она распадается на три главныя группы: сербо-хорватскую, словинскую и резьянскую.

Хотя людей, говорящихъ по-резьянски, весьма немного (около 3½ тысячъ), но тѣмъ не менѣе резьянскіе говоры довольно рѣзко отличаются какъ отъ говоровъ словинскихъ, такъ и отъ говоровъ сербо-хорватскихъ, для того, чтобы не смѣшивать ихъ ни съ тѣми, ни съ другими. Резьяне живутъ въ провинціи Удине (Udine) Италіанскаго королевства, на самой австрійской границѣ.

Нѣкоторые совершенно отдѣляютъ говоры словинскіе отъ сербо-хорватскихъ, и въ противоположность этимъ послѣднимъ, признаютъ ближайшее родство между говорами словинскими и болгарскими. По моему, болѣе общихъ чертъ можно замѣтить между говорами словинскими и сербо-хорватскими, нежели между словинскими и болгарскими. Извѣстенъ же фактъ, что есть группа собственно словинскихъ говоровъ, которую иные причисляютъ къ сербо-хорватскимъ, и которая во всякомъ случаѣ представляетъ нѣчто переходное отъ одной большой группы къ другой.

Населеніе, которому свойственны говоры словинскіе (крайно-словенскіе, „хорутанскіе“), занимаетъ всю Крайну, то-есть, провинцію Австріи со столицею Лайбахомъ (Laibach) или Любляною (Ljubljana), за исключеніемъ лишь незначительной части территоріи на югѣ, заселенной Нѣмцами-Кочеварами (Gottscheer); затѣмъ, оно

занимаетъ частичку Венгрии, южную часть Штирии, южную полосу Хорутании или Каринтии, двѣ трети Горицкаго графства (Görz) (то-есть, его сѣверную гористую часть, тогда какъ приморская равнина занята Фриулянами или Фурланами и Итальянцами), окрестности Триеста и сѣверную часть Истрии. Кроме того, къ Словинцамъ, съ лингвистическо-этнографической точки зрѣнія, слѣдуетъ причислить Хорватовъ „Кайкавцевъ“, живущихъ въ провинціи Хорватіи или Кроаціи и въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ (Граничары), то-есть, именно тѣхъ Словинцевъ, которыхъ, какъ выше сказано, нѣкоторые причисляютъ къ Сербо-Хорватамъ.

Сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ въ области славянины на столь незначительномъ пространствѣ нѣтъ такого значительнаго количества самыхъ разнообразныхъ діалектическихъ оттѣнковъ, какъ именно на территоріи, занимаемой Словинцами. Кроме многихъ другихъ діалектическихъ группъ мы можемъ отличать здѣсь двѣ главныя діалектическія полосы: сѣверо-западную (въ Каринтіи, въ сѣверной части славянскихъ владѣній Горицкаго графства и въ верхней, то-есть, сѣверо-западной Крайнѣ) и юго-восточную (отчасти въ Горицкомъ графствѣ, и затѣмъ, въ средней и нижней Крайнѣ, въ Штирии и въ Венгріи).

Сербо-хорватская группа простирается въ южной Венгріи, въ части провинціи Хорватіи или Кроаціи, не занятой Словинцами „Кайкавцами“, въ южной части Истрии, въ Венгерскомъ побережьи (Littorale) со столицею Рѣкою (Riska) или Фиуме (Fiume), на островахъ Адриатическаго моря, въ Далмаціи, въ Черногоріи, въ Босніи и Герцеговинѣ (вмѣстѣ съ бывшею турецкою Кроаціей), въ незначительной части сѣверо-западнаго угла нынѣшней Турціи, и наконецъ, въ независимомъ княжествѣ Сербскомъ. Кроме того, скорѣе къ Сербо-Хорватскому, чѣмъ къ Словинскому племени, слѣдуетъ причислить Славянъ, живущихъ въ Италіи въ провинціи Удине, на австрійской границѣ, на сѣверо-востокъ отъ Чивидале (Cividale) и на югъ отъ Ревы. Наконецъ, болѣе или менѣе значительныя сербо-хорватскія поселенія имѣются въ южной Италіи, въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, и въ Россіи.

Съ діалектологической точки зрѣнія Сербо-Хорваты распадаются прежде всего на двѣ части, на такъ-называемыхъ „Чакавцевъ“ и „Штокавцевъ“. Названія эти довольно куріознаго свойства: они заимствованы отъ вопросительныхъ мѣстоименій „ча“ и „што“ (что?),

употребляемыхъ этими Сербо-Хорватами ¹⁾. Между тѣмъ, хоть скольконибудь научная классификація и общая характеристика извѣстной группы нарѣчій и говоровъ не можетъ основываться на столь ничтожномъ свойствѣ, какъ употребленіе одного словечка, „ча?“ или „шта?“, тѣмъ болѣе что эти словечки со временемъ могутъ уступить мѣсто другимъ, и такимъ образомъ исчезнетъ совершенно главный будто бы признакъ отличія. Но подобныя названія могутъ быть употребляемы, какъ техническіе термины, лишь бы только помнить, что они условные знаки, съ которыми соединяется представленіе о суммѣ другихъ свойствъ, гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ свойство, соединяемое въ умѣ съ названіями „што-кавцы“, и „ча-кавцы“ путемъ чисто этимологическимъ. Въ данномъ случаѣ названія эти совпадаютъ приблизительно съ дѣйствительнымъ распаденіемъ Сербо-Хорватскаго племени на двѣ группы по главнымъ и существеннымъ отличнымъ чертамъ свойственныхъ имъ говоровъ. Все же таки могутъ быть „Штокавцы“ или „Шта-кавцы“ безъ „што?“ или „шта?“, и дѣйствительно, есть „Ча-кавцы“ безъ „ча“. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, вышеупомянутые Славяне въ провинціи Удине, по главнымъ свойствамъ ихъ говоровъ подходящіе собственно подъ категорію „Чакавцевъ“, но все таки употребляющіе мѣстоименіе вопросительное не „ча?“, но „кай?“ или „кой?“ и, слѣдовательно, являющіеся, съ этой точки зрѣнія, не „Чакавцами“, а „Кайкавцами“ или „Койкавцами“. Съ этимъ названіемъ мы уже познакомились при обзорѣ Словинскаго племени и его подраздѣленій.

Кромѣ сѣверной Италіи, такъ-называемые „Чакавцы“ живутъ на островахъ Адриатическаго моря, а на материкѣ ихъ территорія обнимаетъ сербо-хорватскую часть Истрии, и затѣмъ, тянется узкою полосой по побережью Адриатическаго моря, за исключеніемъ одной южной части Далмаціи.

Всѣ остальные Сербо-Хорваты — „Штокавцы“. „Штокавскіе“ сербо-хорватскіе говоры распадаются, въ свою очередь, на три группы, юго-восточныхъ „Иже-кавцевъ“, сѣверо-восточныхъ „Е-кавцевъ“ (Э-кавцевъ) — главнымъ образомъ въ княжествѣ Сербскомъ, и западныхъ

¹⁾ На употребленіи подобнаго рода словечекъ основано въ области языковъ романскихъ различіе между «langue d'Oc» (провансальскій) и «langue d'Oïl» или «langue d'Oil» (французскій). Точно также извѣстное намъ уже названіе «Кайкавцевъ» принадлежитъ къ той же категоріи.

„И-кавцевъ“. Первые говорятъ, напимѣрь, ријека, бијели, другіе—река, бели, третьи же, наконецъ—рика, били (рѣка, бѣлый).

Конечно, всѣ эти дѣленія далеко не точны и не окончательны. Со временемъ классификація не только сербо-хорватскихъ, но и другихъ славянскихъ нарѣчій и говоровъ, должна будетъ быть построена на болѣе широкихъ и болѣе научныхъ основаніяхъ.

Въ заключеніе отдѣла о сербо-хорватскихъ говорахъ считаю нужнымъ замѣтить, что это—терминъ искусственный, то-есть, выдуманный учеными, а не заимствованный изъ жизни. Названія „Сербо-Хорваты“ или „сербо-хорватскій языкъ“ мы не встрѣтимъ ни въ національныхъ литературахъ Сербовъ и Хорватовъ, ни въ политикѣ, ни въ исторіи, ни въ какой бы то ни было области, кромѣ филологическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій и разсужденій. Первоначально существовали рядомъ два названія Сербъ и Хорватъ, какъ названія племенныхъ. Затѣмъ, они были присвоены извѣстнымъ провинціямъ или странамъ, Сербіи и Хорватіи, такъ что изъ нихъ вышли термины политическо-географическіе, не совпадающіе съ дѣйствительными этнографическими сходствами и различіями. Различіе вѣроисповѣданій способствовало распространенію названій „Хорваты“ и „Сербы“ за предѣлы географическіе. „Хорватами“ стали звать римскихъ католиковъ, „Сербамъ“ же—православныхъ того же племени. Какъ увидимъ впослѣдствіи, въ связи съ этимъ находится тоже отличіе двухъ алфавитовъ и двухъ письменностей или литературъ, хорватской и сербской. Въ настоящее время географическое названіе „Хорватіи“ или „Хрватскіи“ (Hrvatsko, Croation) вовсе не совпадаетъ съ этнографическимъ распредѣленіемъ Славянскихъ племенъ, живущихъ въ этой провинціи: значительная часть ея населена не настоящими Хорватами, въ этнографическомъ смыслѣ этого слова, а Словинцами („Кайшавцами“), и даже столица Хорватіи, Загребъ, лежитъ въ ея словинской части.

5) Остается еще болгарская вѣтвь славянскихъ нарѣчій и говоровъ. Носители болгарскихъ говоровъ, то-есть, Болгарское племя или Болгаре населяютъ всю славянскую часть Балканскаго полуострова, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла, занятаго Сербо-Хорватами. Изъ неславянскихъ народностей Болгаре граничатъ съ сѣвера съ Румунами, съ востока и юга—съ Турками и Греками, съ запада—съ Албанцами или Арнаутами. Такимъ образомъ они живутъ въ полунезависимомъ княжествѣ Болгарскомъ, въ автономической Ру-

мелии, въ княжествѣ Сербскомъ, въ Македоніи, въ Фессаліи, въ незначительномъ количествѣ въ Албаніи, и наконецъ, у устьевъ Дуная, какъ въ Румуніи, такъ и въ Россіи.

Кромѣ менѣе значительныхъ группъ, болгарская вѣтвь славянскихъ нарѣчій и говоровъ распадается на двѣ главныя группы: сѣверо-восточную или дунайско-балканскую и юго-западную или македонскую.

Кончивъ такимъ образомъ обзоръ славянскаго міра съ точки зрѣнія чисто діалектологической или племенной, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію литературныхъ языковъ, развившихся на этой почвѣ и служащихъ однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ или національностей.

Литературные языки могутъ быть нѣсколькихъ родовъ, сводящихся къ слѣдующимъ главнымъ категоріямъ:

1) Языки церковно-литературные и административно-литературные, служащіе письменнымъ органомъ или государства вообще, или же только администраціи въ извѣстной части государства. Въ первомъ случаѣ это будутъ языки государственно-литературные, во второмъ—административно-литературные. Такъ напимѣрь, въ Россіи государственно-литературнымъ является языкъ русскій, но напимѣрь, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ рядомъ съ нимъ существуетъ языкъ нѣмецкій, какъ языкъ мѣстной администраціи.

Особый видъ государственнаго языка составляетъ языкъ дипломатическій, каковымъ для Россіи, напимѣрь, какъ и для всей вообще Европы, служитъ въ настоящее время языкъ французскій. Но такъ какъ ни одинъ изъ славянскихъ языковъ не употребляется въ дипломатическихъ международныхъ сношеніяхъ, то эта категорія не можетъ имѣть примѣненія въ области славянскихъ языковъ.

3) Третью общую категорію литературныхъ языковъ составляютъ языки литературные въ строгомъ смыслѣ этого слова, то-есть, языки, употребляемые въ письменности свѣтской и служащіе органомъ науки и изящной литературы того или другаго народа.

Чаще всего строго-литературное употребленіе совпадаетъ съ употребленіемъ церковнымъ и прежде всего административнымъ; но это далеко не всеобщее явленіе, и въ особенности въ славянской области мы должны постоянно помнить объ этихъ отличіяхъ.

Какіе же имѣются (или же имѣлись) у Славянъ церковно-литературныя языки?

Первое мѣсто по своей важности и своеобразности занимаетъ здѣсь древній „церковно-славянскій“ или старо-славянскій языкъ. Въ памятникахъ его отразилось относительно самое древнее состояніе славянскихъ языковъ. Естественно, этотъ языкъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь народное начало, то-есть, могъ произойти только путемъ примѣненія того или другого народнаго говора или группы говоровъ къ извѣстнаго рода литературнымъ потребностямъ. Слѣдовательно, какаѣ же изъ живущихъ въ настоящее время группа славянскихъ говоровъ находится въ ближайшей родственной связи съ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ? На этотъ вопросъ существуетъ нѣсколько отвѣтовъ, но между ними выдаются теперь только два: одни ищутъ начала старо-славянскому языку въ области болгарской группы, другіе же видятъ въ немъ одну изъ вѣтвей народнаго языка „Паннонскихъ“ Словенцевъ (Словеновъ, Славяпъ), потомуки которыхъ лишились своей національности и смѣшались съ другими иноплеменными, не славянскими народностями. По моему, одно вѣрно, а именно то, что языкъ старо-славянскій принадлежитъ къ южно-славянскимъ языкамъ, не можетъ находиться въ ближайшемъ родствѣ съ сербо-хорватскимъ, и наконецъ, нѣкоторыми своими свойствами ближе всего подходитъ къ болгарскому; но дѣйствительныя ближайшіе его родичи между существующими теперь группами южно-славянскихъ говоровъ пока не найдены, и вѣроятно, никогда не будутъ найдены.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ старо-славянскій языкъ сохранился только въ древнѣйшихъ памятникахъ, да и то, какъ кажется, съ довольно значительными отступленіями. Связанный главнымъ образомъ съ православіемъ, онъ употреблялся именно у православныхъ Славянъ, то-есть, у Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ, да кромѣ того, у Румуновъ. Принаравливаясь къ живой рѣчи различныхъ славянскихъ племенъ, онъ въ скоромъ времени распался на нѣсколько отдѣлковъ, которые, все болѣе и болѣе увеличиваясь, дали начало особннымъ церковно-славянскимъ языкамъ у Сербовъ, у Болгаръ и у Русскихъ. Но вслѣдствіе взаимнаго общенія и воздѣйствія однихъ православныхъ Славянъ на другихъ, связь между этими разными видоизмѣненіями церковно-славянскаго языка постоянно сохранялась и была причиной ихъ взаимнаго вліянія другъ на друга. А такъ какъ съ теченіемъ времени центръ православія перенесся съ Балканскаго по-

дуострова въ Россію, то, понятно, русское видоизмѣненіе церковно-славянскаго языка стало руководящимъ и для другихъ православныхъ Славянъ—Сербовъ и Болгаръ. Что касается Румуновъ, то ихъ церковно-славянскій языкъ ближе всего подходитъ къ болгарскому видоизмѣненію, а будучи языкомъ совершенно чуждымъ, то-есть, находясь въ такомъ болѣе или менѣе отношеніи къ народному румунскому языку, въ какомъ церковный латинскій находится къ народному языку Чеховъ или Поляковъ, онъ не могъ подвергаться никакому вліянію румунскаго языка и сохранилъ приблизительно тотъ же видъ, въ какомъ онъ когда-то былъ заимствованъ Румунами. У Русскихъ, понимая подъ этимъ какъ Великоруссовъ, такъ и Малоруссовъ, церковно-славянскій языкъ, по крайней мѣрѣ въ произношеніи, представляетъ два разные отдѣлка, смотря по употребленію его духовенствомъ великорусскимъ, или малорусскимъ. Въ Россіи эти отдѣлки въ настоящее время болѣе или менѣе сглажены, но внѣ предѣловъ Русскаго государства, а именно у уніатовъ-Малоруссовъ Австрійской имперіи, существуетъ своеобразный церковно-славянскій языкъ, сходный съ языкомъ, употреблявшимся раньше у польскихъ уніатовъ. Этотъ языкъ значительно ближе къ народному языку Малоруссовъ, нежели церковно-славянскій языкъ Россіи—даже къ народному языку Великоруссовъ; мало того, въ произношеніи оба эти языка, уніатскій церковно-славянскій и народный малорусскій, почти тождественны.

При этомъ не лишне замѣтить, что въ основу теперешняго общерусскаго церковно-славянскаго языка легъ языкъ церковно-славянскій, употреблявшійся въ свое время прежде всего у Малоруссовъ. Изъ Константинополя и вообще изъ Византіи путь въ сѣверо-восточную Русь идетъ черезъ юго-западную Русь, населенную Малоруссами. Вообще, вслѣдствіе своего положенія, юго-западная Русь гораздо раньше сѣверо-восточной прислонилась къ Европѣ, вліявшей на нее съ двухъ сторонъ, юго-западной (вліяніе византійское) и сѣверо-западной (вліяніе латино-польское). Многія основныя особенности общерусскаго церковно-славянскаго языка объясняются только тѣмъ, что центромъ церковнаго просвѣщенія на Руси былъ первоначально Кіевъ.

Древній церковно-славянскій или старо-славянскій языкъ сложился еще до окончательнаго раздѣленія церквей Восточной и Западной, и первоначально онъ предназначался, какъ общій церковный языкъ, для всѣхъ Славянъ-христіанъ, какому бы толку они ни принадле-

жали. По крайней мѣрѣ славянскіе апостолы Кирилль и Меѳодій получили отъ папы разрѣшеніе пользоваться этимъ языкомъ для распространенія между Славянами римскаго католичества, то-есть, католичества съ папою во главѣ. И въ самомъ дѣлѣ имѣются слѣды употребленія славянскаго языка въ богослуженіи и у западныхъ Славянъ. Но сильная оппозиція со стороны епископовъ и вообще иноплеменинаго католическаго духовенства (въ особенности же нѣмецкаго) помѣшала окончательному привитію у Славянъ-католиковъ богослуженія на народномъ языкѣ и вмѣсто него ввела почти повсемѣстно латинскій. Только весьма незначительная часть Хорватовъ-католиковъ, употребляющихъ такъ-называемую глаголическую азбуку, сохранила въ церковныхъ книгахъ языкъ славянскій, какъ и вообще Хорваты, по отношенію къ Риму, сохранили болѣе самостоятельности, чѣмъ, напримѣръ, Словинцы, Чехи и Поляки. Этотъ церковно-славянскій языкъ у Хорватовъ смѣшался со временемъ съ народнымъ хорватскимъ, такъ что въ настоящее время, кромѣ нѣкоторыхъ архаизмовъ, это — просто хорватскій языкъ. Территорія, на которой употребляется этотъ богослужебный хорватскій языкъ, все болѣе и болѣе суживается въ пользу языка латинскаго, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время хорватскіе священники служатъ обѣдню на хорватскомъ языкѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Истріи и на островахъ Адриатическаго моря. Кромѣ того, изъ Славянъ, признающихъ главенство папы, одни только русскіе униаты (теперь существующіе только въ Австріи) пользуются славянскимъ богослужебнымъ языкомъ.

Конечно, рядомъ съ латинскимъ языкомъ, употребляемымъ для богослуженія, у всѣхъ Славянъ-католиковъ употребляются и ихъ народныя языки для проповѣдей, молитвъ, церковныхъ пѣсней и вообще для тѣхъ областей церковной службы, въ которыхъ необходимо или дѣятельное участіе или по крайней мѣрѣ пониманіе языка со стороны вѣрныхъ.

Вполнѣ народнымъ языкомъ пользуются священники у Славянъ-протестантовъ, къ которымъ принадлежитъ большинство Лужичанъ, ватѣмъ частичка Кашубовъ, Поляковъ (сплошнымъ населеніемъ въ восточной и западной Пруссіи и въ австрійской Силезіи, а спорадически въ разныхъ мѣстностяхъ), Чеховъ, Словаковъ и др. Одну изъ основъ протестантизма составляетъ, какъ извѣстно, употребленіе настоящаго народнаго языка, между тѣмъ какъ у православныхъ, не говоря уже о церковно-славянскомъ языкѣ у Румынъ, и у самихъ

Славянъ церковно-славянскій языкъ только отчасти понятенъ народу. Извѣстно тоже, что начало новѣйшихъ литературныхъ языковъ Европы совпадаетъ съ возникновеніемъ эпохи возрожденія и реформаци.

У Славянъ-протестантовъ въ предѣлахъ Германской имперіи, какъ у Поляковъ, такъ и у Лужичанъ, до сихъ поръ держится въ молитвенникахъ и т. п. книгахъ употребленіе готическаго алфавита (швабаха), то-есть, видоизмѣненнаго въ средніе вѣка алфавита латинскаго. Употребленіе прямаго латинскаго алфавита (антиквы) считается тамъ признакомъ католицизма.

Государственно-литературныя языки у Славянъ встрѣчаются только при независимости государства, въ которомъ преобладаетъ одно изъ Славянскихъ племенъ. Такимъ прежде всего является языкъ русскій, сложившійся въ Московскомъ государствѣ на церковно-славянскій подкладѣ. Но на сколько характеръ русскаго церковно-славянскаго языка обуславливается преимущественно тѣмъ, что извѣстное время центромъ церковнаго просвѣщенія на Руси былъ Кіевъ, на столько при формированіи государственнаго и административнаго языка Россіи взялъ перевѣсъ ея политическій центръ, то-есть, Москва. Освобожденію государственнаго языка отъ церковно-славянскихъ элементовъ значительно способствовали преобразованія Петра Великаго и его сподвижниковъ въ разныхъ отрасляхъ общественной и литературной дѣятельности. Не смотря на очищеніе русскаго письменнаго языка отъ церковно-славянизмовъ, въ немъ все-таки осталась извѣстная примѣсь церковно-славянскаго языка, и можно сказать, что теперешній русскій письменный языкъ, не только государственно-административный, но и литературный, по своему происхожденію и дальнѣйшему развитію является церковно-славянскимъ языкомъ, видоизмѣненнымъ подъ сильнымъ вліяніемъ языка народнаго.

Кромѣ русскаго языка, имѣются въ славянской области еще слѣдующіе языки государственнаго значенія: языкъ сербскій (въ княжествѣ Сербскомъ и въ Черногоріи) и (въ новѣйшее время) языкъ болгарскій (въ княжествѣ Болгарскомъ). Въ прежнее время существовали еще государственныя славянскія языки: польскій (въ Польшѣ), бѣлорусскій (въ великомъ княжествѣ Литовскомъ), хорватскій (въ независимой Хорватіи) и др.

Въ предѣлахъ Русскаго государства русскій языкъ одинъ изъ славянскихъ служитъ языкомъ школы и внутренней администраціи.

Въ Австріи, вслѣдствіе ея состава изъ различныхъ исторически

однородныхъ и въ извѣстной степени автономныхъ провинцій съ разнообразнымъ населеніемъ, для внутренней администраціи, по крайней мѣрѣ по основнымъ государственнымъ законамъ, равноправны всѣ языки, въ томъ числѣ и слѣдующіе славянскіе: польскій, малорусскій или русинскій, чешскій, словинскій и хорватскій. Въ дѣйствительности, равноправность этихъ языковъ осуществляется не въ одинаковой мѣрѣ. Такъ самыми широкими правами въ этомъ отношеніи пользуется языкъ польскій, рядомъ съ нѣмецкимъ имѣющій въ Галиціи перевѣсъ надъ русинскимъ или галицко-малорусскимъ, который однакожъ признанъ и допущенъ какъ въ школахъ, такъ и въ администраціи. Затѣмъ идетъ чешскій языкъ въ Чехіи, уступающій все-таки въ школахъ и администраціи языку нѣмецкому. Подобнымъ образомъ въ Далмаціи и Истріи итальянскій языкъ, рядомъ съ нѣмецкимъ, оттѣсняетъ на второй планъ народный языкъ хорватскій. Не въ лучшія условія поставленъ, по отношенію къ нѣмецкому, языкъ словинскій, не только въ провинціяхъ, гдѣ рядомъ съ Словинцами живутъ другія народности, но даже въ Крайнѣ, почти исключительно населенной Словинцами. Въ маленькихъ провинціяхъ Австріи, со смѣшаннымъ населеніемъ, языки отдѣльныхъ національностей ступеньваются передъ государственнымъ языкомъ—нѣмецкимъ. Такъ на примѣръ, въ Буковинѣ, гдѣ рядомъ съ Румынами живутъ Русины, затѣмъ въ австрійской Силезіи, населенной на половину Поляками, на половину Чехами, съ незначительною примѣсью Нѣмцевъ, въ Моравіи, гдѣ тоже языкъ чешскій оттѣсненъ на второй планъ нѣмецкимъ, и т. д. Равноправность всѣхъ языковъ Австрійской имперіи признается однако въ томъ, на примѣръ, смыслѣ, что надписи на присутственныхъ мѣстахъ, въ особенности же на помѣщеніяхъ почтоваго вѣдомства, поставлены на мѣстныхъ языкахъ данной провинціи. Такъ, въ Горичкомъ графствѣ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ, рядомъ съ нѣмецкими, красуются тоже надписи на языкахъ итальянскомъ и словинскомъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ Австріи, какъ впрочемъ и въ другихъ государствахъ, администрація центральныхъ учрежденій и администрація мѣстная, провинціальная—двѣ разныя вещи. Въ отношеніи равноправности языковъ, центральныя административныя учрежденія проявляютъ болѣе терпимости, нежели провинціальныя. Такъ на примѣръ, въ упомянутомъ уже Горичкомъ графствѣ со стороны центральныхъ государственныхъ властей словинскій языкъ испытываетъ гораздо меньшія ограниченія, нежели со стороны преобладающихъ, если не чис-

ломъ, то вліяніемъ, въ этой провинціи Итальянцевъ (собственно Фурлановъ, усвоившихъ себѣ итальянскій литературный языкъ), стремящихся къ полному вытѣсненію словинскаго языка изъ офиціального употребленія.

Въ венгерской половинѣ Австро-Венгерскаго государства условія нѣсколько другія. Тамъ исключительность и нетерпимость Мадыаръ не признаетъ правъ ни за какимъ другимъ языкомъ, кромѣ венгерскаго или мадыарскаго. Поэтому ни словацкій языкъ, ни сербскій, ни словинскій не приобрѣли себѣ до сихъ поръ въ Венгріи права гражданства въ административномъ мірѣ.

За то въ Хорватіи или Кроаціи, соединенной съ Венгріей на условіяхъ автономіи, языкъ хорватскій преобладаетъ въ администраціи, съ устраненіемъ, какъ нѣмецкаго, такъ и мадыарскаго, хотя, на примѣръ, надписи на почтовыхъ бланкахъ и тамъ исключительно мадыарскія или венгерскія. Языкъ хорватскій признанъ офиціальнымъ и во вновь присоединенныхъ провинціяхъ Босніи и Герцеговины.

Понятно, въ княжествѣ Сербскомъ и въ Черногоріи административнымъ и школьнымъ языкомъ служитъ языкъ сербскій.

Языкъ болгарскій играетъ роль административнаго и школьнаго языка не только въ княжествѣ Болгарскомъ, но, рядомъ съ греческимъ, и въ автономной Восточной Румеліи.

Кромѣ того, въ Турціи, какъ прежде, такъ и теперь, въ мѣстностяхъ, населенныхъ Славянами, языками администраціи, кромѣ турецкаго, служатъ фактически тоже соответственные славянскіе языки: между Болгарами—болгарскій, между Сербамъ—сербскій.

Остальныя европейскія государства, владѣющія извѣстною частью Славянскаго племени, совершенно не обращаютъ вниманія на языки этихъ племенъ. Не говоря ужъ объ Италіи, гдѣ Славяне весьма немногочисленны и не имѣютъ никакихъ ни культурныхъ, ни литературныхъ преданій,—Пруссія не только не признаетъ правъ польскаго языка въ администраціи, но даже всѣми мѣрами старается мѣшать его употребленію для другихъ цѣлей. Нечего, стало быть, и упоминать о лужицкихъ языкахъ. Впрочемъ, въ прежнія времена, въ независимой Саксоніи верхне-лужицкій языкъ, хотя и не употреблялся въ администраціи, все же не испытывалъ гоненій.

Выше я нѣсколько разъ упоминалъ о языкѣ „сербскомъ“, отличномъ отъ „хорватскаго“, между тѣмъ какъ при обозрѣніи Славянскихъ племенъ съ диалектологической или этнографической точки зрѣнія у

насть было только одно „Сербо-Хорватское“ племя. Спрашивается: откуда подобное различіе? чѣмъ оно обусловливается?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ исторія. Настоящіе Сербо-Хорваты, какъ теперь, такъ и раньше, составляли одно только племя. Но очень рано по историческимъ судьбамъ племя это было раздѣлено на двѣ части. Главнымъ виновникомъ этого раздѣленія оказалось вѣроисповѣданіе: одни подпали подѣ власть папы, другіе же сдѣлались православными Восточной церкви, не говоря уже о такъ-называемыхъ „рenegатахъ“, принявшихъ впослѣдствіи магометанство. Съ различными вѣроисповѣданіями усвоены были и различные алфавиты: католиками — латинскій, православными — видоизмѣненный греческій или кирилловскій. То и другое должно было вызвать почти полное литературное отчужденіе и развитіе своеобразныхъ литературныхъ преданій. Сербо-Хорваты католики получили со временемъ названіе Хорватовъ, православные же были отождествлены съ Сербами. Какъ православные, Сербы подвергались вліянію православной церковной литературы, а носитель этой литературы, то-есть, церковно-славянскій языкъ, долженъ былъ вліять на языкъ сербскій, хотя, какъ мы видѣли, подвергался тоже сильному вліянію съ его стороны. До начала текущаго столѣтія сербскій церковно-славянскій языкъ примѣнялся, съ незначительными измѣненіями, и въ свѣтской литературѣ, на сколько она вообще существовала. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ, можно сказать, создалъ чисто народный литературный языкъ Сербовъ, отвергнувъ всякія церковно-литературныя преданія и ставъ исключительно на народную почву. Для этой цѣли онъ считалъ необходимымъ преобразовать вмѣстѣ съ тѣмъ алфавитъ, заимствовавъ внѣшнюю его форму у Русскихъ, но вполне самостоятельно примѣнивъ его къ обозначенію звуковъ роднаго языка. Это и было начало теперешняго литературнаго сербскаго языка.

Въ этомъ новомъ видѣ онъ почти тождественъ съ языкомъ хорватскимъ, который, совершенно независимо отъ него, развивался у Сербо-Хорватовъ-католиковъ, и на которомъ писали всегда латинскими буквами. Въ XVI и XVII вв., во время процвѣтанія дубровницкой и вообще далматинской литературы, существовалъ особый видъ литературнаго „хорватскаго языка“, нѣсколько отличный отъ того, который сталъ господствующимъ съ переселеніемъ центра литературнаго движенія Хорватовъ на сѣверъ занимаемой ими территоріи. Теперешній хорватскій языкъ сложился окончательно въ текущемъ сто-

лѣтіи, и какъ уже замѣчено, онъ почти тождественъ съ языкомъ сербскимъ. Съ легкой руки Наполеона I, создавшаго королевство Иллирское, языкъ хорватскій называли нѣкоторое время илирійскимъ или илирскимъ.

Между литературными языками славянскими (то-есть, литературными въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) слѣдуетъ отличать языки литературные, употребляемые во всѣхъ отрасляхъ науки, изящной литературы и публицистики, и затѣмъ, языки болѣе ограниченаго круга, преимущественно народные, ограничивающіеся небогатою изящною литературой (беллетристикой) и публицистикой. Конечно, между этими двумя крайними категоріями есть переходныя звенья, и затѣмъ какъ та, такъ и другая главная категорія дѣлится на нѣсколько второстепенныхъ.

Первое мѣсто между литературными славянскими языками, по своей распространенности и всесторонности, занимаетъ въ настоящее время языкъ русскій (великорусскій). Но если принять во вниманіе прошлое литературное развитіе, то русскому языку не уступитъ языкъ польскій. Языками общаго литературнаго значенія являются тоже языки чешскій, хорватскій и сербскій.

Гораздо ограниченіе литературный кругъ языковъ словинскаго (словенскаго, крайнскаго), болгарскаго, словацкаго (у Словаковъ въ сѣверо-западной Венгріи) и верхне-лужицкаго, который, можно сказать, держится только искусственно и со смертію нѣсколькихъ любителей-патріотовъ совершенно прекратилъ бы свое существованіе.

Нижне-лужицкій языкъ тоже служитъ органомъ извѣстнаго рода литературы, состоящей изъ одной газеты для народа, изъ календаря и изъ нѣсколькихъ популярныхъ книжекъ. Вообще онъ въ этомъ отношеніи не многимъ выше кашубскаго литературнаго языка, „литература“ котораго зависитъ отъ дѣятельности одного человека, Флоріана Цеповы (Florian Cypova).

Въ Галиціи, рядомъ съ польскимъ языкомъ, литературную роль играетъ и языкъ русинскій или рутенскій. Но, большинство пишущихъ этимъ языкомъ стало не на чисто народную почву, и ихъ письменный языкъ представляетъ какую-то неудобоваримую смѣсь изъ церковно-славянскаго, русскаго (великорусскаго), польскаго, и наконецъ, галицко-малорусскаго. Смотра по симпатіямъ и привыч-

камъ писателей, преобладаетъ то тотъ, то другой элементъ. Этотъ же языкъ, съ различными видоизмѣненіями, въ употребленіи у Русиновъ Буковины и сѣверо-восточной Венгрии.

Слѣдующіе литературные языки славянскіе пользуются латинскимъ алфавитомъ: польскій, чешскій, словацкій, словинскій, „хорватскій“, оба лужицкіе и кашубскій. Видоизмѣненная же кириллица (алфавитъ русско-гражданскій) примѣняется къ языкамъ русскому, малорусскому (въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ), сербскому и болгарскому. Кромѣ того, Болгаре и Галиціе Русины употребляютъ тоже церковную кириллицу, которая господствуетъ исключительно въ православной церковной письменности. Объ употребленіи глаголицы у нѣкоторыхъ Хорватовъ-католиковъ и объ употребленіи „швабаха“ Славянами-протестантами въ Германской имперіи сказано выше.

Предназначая эту статью для русской публики, я столь пространно говорилъ объ языкахъ славянскихъ, какъ о самыхъ близкихъ изъ всѣхъ языковъ индо-европейскихъ или аріоевропейскихъ. Теперь вернемся къ обзорѣ аріоевропейскихъ языковъ вообще. И прежде всего представимъ географическое распредѣленіе этихъ языковъ въ древности и въ новѣйшее время.

Въ древности Аріоевропейцы занимали часть Азии и большую часть Европы. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя семьи аріоевропейскихъ языковъ или же отдѣльные члены семей исчезли. Такъ на примѣръ, исчезли языки аріоевропейскіе Малой Азии (кромѣ греческихъ говоровъ), исчезли готскія нарѣчія, нѣкоторыя славянскія и т. д. Другіе опять лишились значительной части прежней своей территоріи. Сюда принадлежатъ Кельты и Литовцы. Третьи, наконецъ, все болѣе и болѣе разрастаются и приобрѣтаютъ все новыя земли. Довольно упомянуть о громадномъ постепенномъ распространеніи нѣкоторыхъ членовъ семей романской и германской; между славянскими русскій языкъ принадлежитъ тоже ко все болѣе и болѣе распространяющимся.

Открытіе Америки открыло Аріоевропейцамъ доступъ въ эту часть свѣта, куда они и хлынули, безпощадно истребляя болѣе или менѣе цивилизованныхъ туземцевъ (автохтоновъ).

Въ настоящее время въ Азии по прежнему живутъ только двѣ семьи аріоевропейскихъ языковъ, то-есть, семьи индійская и иранская (эранская) или персидская (къ которой причисляемъ тоже

Курдовъ, Афганцевъ, Осетинцевъ и даже Армянъ). Эти двѣ семьи принадлежатъ къ семьямъ, если не суживающимся въ своихъ владѣніяхъ, какъ Кельты или Литовцы, то по крайней мѣрѣ не увеличивающимся. Кромѣ того, въ Азии живутъ Англичане и другіе Европейцы Аріоевропейскаго племени, какъ позднѣйшіе поселенцы (колонисты). Въ Сибири преобладаетъ теперь Славянское племя въ лицѣ Русскихъ.

Точно также поселенцами живутъ Европейцы Аріоевропейскаго племени въ Африкѣ и Австраліи. Въ Африкѣ—главнымъ образомъ Англичане, Голландцы и Французы. Теперешнюю южно-африканскую войну ведутъ именно Англичане съ голландскими поселенцами.

Почти всю Америку населяютъ въ настоящее время отпрыски разныхъ европейскихъ народовъ Аріоевропейскаго племени. Преніе туземцы здѣсь остаются только въ ничтожномъ количествѣ. Въ Сѣверной Америкѣ преобладаетъ Германское племя, Англичане, въ Южной же (со включеніемъ Мексики) — племя Романское, Испанцы и Португальцы.

Наконецъ, почти вся Европа (со включеніемъ Кавказа) заселена народами, языки которыхъ принадлежатъ къ аріоевропейской отрасли. Народы и племена Европы, не принадлежащіе къ Аріоевропейцамъ, только слѣдующіе:

Васки въ Испаніи и во Франціи (совершенно особаго племени),
Венгерцы или Мадьяры (Финскаго племени),
Эсты, Финны (съ Лопарями) и другія финскія племена, живущія въ Россіи,
Турки, Татары и Чуваши,
Кавказскія племена, говорящіе на своеобразныхъ языкахъ.

Послѣ этого не лишнимъ будетъ, какъ полагаю, рассмотреть отдѣльныя европейскія государства съ точки зрѣнія ихъ одноплеменности или разноплеменности.

Въ этомъ отношеніи мы будемъ отличать:

1) государства совершенно чистыя, одноплеменные, населенныя людьми одного только племени, понимая „одно племя“ въ томъ смыслѣ, какъ на примѣръ, племя Романское, Германское, Славянское и т. п.;

2) государства, въ которыхъ живутъ не аріоевропейскія племена

или хотя бы только одно не аrioевропейское племя, но аrioевропейскій элементъ которыхъ однороденъ;

3) государства, населеніе которыхъ состоитъ изъ разноплеменныхъ Аrioевропейцевъ, но безъ примѣси не аrioевропейскаго элемента;

4) государства, въ составъ которыхъ входятъ какъ разноплеменные Аrioевропейцы, такъ и не аrioевропейскія племена.

При этомъ мы не станемъ обращать вниманіе на Цыганъ, по языку принадлежащихъ къ индійской семьѣ аrio-европейской отрасли. Не будемъ обращать на нихъ вниманія потому, что они до сихъ поръ являются кочевниками, которымъ чужда осѣдлая жизнь, хотя впрочемъ въ такихъ странахъ, какъ Венгрія или Румынія, гдѣ Цыгане живутъ въ значительномъ количествѣ, и они могли бы быть принимаемы въ соображеніе.

Что касается Евреевъ, то хотя по своему происхожденію они принадлежать къ народамъ и племенамъ, говорящимъ на семитическихъ языкахъ, тѣмъ не менѣе въ Европѣ по языку они должны быть причислены къ отдѣльнымъ аrio-европейскимъ народамъ. Такъ напримѣръ, въ Англіи они говорятъ по англійски, во Франціи по французски, въ Италіи по италіянски, и т. д. Въ Германіи Евреи, не смотря на всякія „Judenhetzen“, — Нѣмцы. Точно также они Нѣмцы въ Польшѣ и въ Россіи, если говорятъ на такъ-называемомъ „жидовскомъ жаргонѣ“; если же они ассимилируются окружающей средѣ, усвоивая себѣ ея языкъ, они становятся Поляками, Русскими или т. п.

1) Итакъ, — оставляя въ сторонѣ маленькія государства въ родѣ республикъ Андоры, Сан-Марино и княжества Монако, — самыми однородными по составу населенія являются слѣдующія европейскія государства:

Португалія (племя Романское),

Голландія или Нидерланды (племя Германское) и

Данія съ Исландіей (племя Германское).

2) Затѣмъ, одно аrio-европейское племя живетъ рядомъ съ племенемъ не аrio-европейскимъ.

Въ Испаніи (племя Романское и Баски, — если не считать незначительныхъ нѣмецкихъ колоній), да кромѣ того, въ Швеціи и Норвегіи (племя Германское и Финны).

3) Нѣсколько (два и болѣе) аrio-европейскихъ племенъ встрѣчаемъ:

въ Бельгіи и Люксембургѣ (племя Германское и Романское), въ Швейцаріи (точно также племя Германское и Романское), въ Черногоріи (племя Славянское и Албанское или Шкипетарское), въ Сербіи (племена Славянское, Романское и Албанское), въ Греціи (племя Греческое, Албанское и Романское), въ Германіи (племя Германское, Славянское, Литовское и Романское),

въ Италіи (племена Романское, Славянское, Албанское, Греческое и Германское въ весьма ограниченномъ количествѣ) и, наконецъ,

въ Великобританіи и Ирландіи (племя Германское и Кельтское). На Мальтѣ же преобладающимъ является племя, говорящее языкомъ семитическимъ, близкимъ арабскому.

Если Албанію считать фактически полунезависимымъ государствомъ, то она то же сюда подойдетъ. Въ ней встрѣчаемъ племена: Албанское, Славянское и Романское.

4) Остаются государства съ самымъ разнообразнымъ составомъ населенія, то-есть, такія, въ которыхъ встрѣчаются не только различныя племена аrio-европейскія, но и не аrio-европейскія. Таковы: Франція, гдѣ рядомъ съ Романцами и Кельтами живутъ Баски; Румынія, гдѣ рядомъ съ преобладающимъ романскимъ этнографическимъ элементомъ встрѣчаемъ Славянъ, Мадыаръ и, наконецъ, Турокъ съ Татарами;

Болгарія, гдѣ встрѣчаемъ племена Славянское, Романское и Турецко-татарское;

Восточная Румелія, гдѣ живутъ тѣ же племена, да кромѣ того Греческое и Албанское.

Въ остальной Европейской Турціи то же самое: преобладающими являются племена Греческое, Славянское и Албанское, но рядомъ съ ними живутъ тоже племена Романское и Турецкое.

Австро-Венгрія представляетъ почти въ одинаковой этнографической силѣ изъ аrio-европейскихъ племенъ Славянское, Германское и Романское, а изъ не аrio-европейскихъ племенъ Мадыарское или Венгерское. Съ Босніей и Герцеговиной необходимо было захватить то же немножко Албанцевъ и Турокъ.

Самую пеструю этнографическую картину въ Европѣ представляетъ Европейская Россія, въ особенности, если причислить къ ней Кавказъ. Здѣсь живутъ самыя разнообразныя, какъ аrio-европейскія, такъ и не аrio-европейскія племена.

Преобладающее племя въ Россіи Славянское, представителями ко-

тораго являются Русскіе (Великороссы съ Бѣлоруссами и Малороссы), Поляки, и затѣмъ, отдѣльныя поселенія Сербовъ, Болгаръ и Чеховъ.

Изъ другихъ аріо-европейскихъ племенъ мы встрѣчаемъ здѣсь сплошное населеніе Литовцевъ съ Латышами, Нѣмцевъ (Германцевъ) съ Евреями, Румуновъ (Романцевъ) и, затѣмъ, изъ азіатскихъ аріо-европейскихъ племенъ: Армянъ, Осетиновъ и Курдовъ. Присоединяя къ нимъ Цыганъ, принадлежащихъ по языку къ индійской семьѣ, мы должны будемъ констатировать фактъ, что въ одной Европейской Россіи (не считая Азіатской), живутъ сплошною массою представители всѣхъ, за исключеніемъ Кельтовъ и Албанцевъ, семей аріо-европейскихъ языковъ, съ которыми мы познакомились выше.

Изъ не аріо-европейскихъ племенъ въ значительномъ количествѣ въ Россіи являются племена, языки которыхъ принадлежатъ, къ урало-алтайской или финско-тюрской, иначе, туранской отрасли. Съ одной стороны, мы можемъ назвать Татаръ, Калмыковъ, Киргизовъ, Башкировъ, Чувашей и т. д., съ другой же — Эстовъ, Финновъ съ Лопарями, Зырянъ, Самоѣдовъ, Вогуловъ, Черемисъ, Мордву и т. д.

Наконецъ, на Кавказѣ можно отмѣтить много языковъ, не принадлежащихъ ни къ аріо-европейской, ни къ финско-тюрской отрасли.

Выше мы познакомились съ слѣдующими девятью главными семьями аріо-европейской или индо-европейской отрасли языковъ: индійскою, эранскою (иранскою) или персидскою, греческою, албанскою, италійскою или романскою, кельтскою, германскою, литовскою, и наконецъ, славянскою. Теперь спрашивается: нельзя ли между нѣкоторыми изъ этихъ семей признать ближайшаго сродства, въ противоположность всѣмъ остальнымъ?

На этотъ вопросъ давались разными учеными самые разнообразныя отвѣты, одинаково неудовлетворительные, и въ концѣ концовъ былъ высказанъ взглядъ, отрицающій правильность самой постановки вопроса.

Какъ бы то ни было, помимо всѣхъ измѣняющихся взглядовъ на этотъ предметъ, вѣрно то, что существуетъ болѣе близкая родственная связь, съ одной стороны, между языками семей индійской и эранской, съ другой же стороны — между языками семей литовской и славянской.

усть нѣсколько названій языковъ отрасли, поверхностное описаніе которой составляетъ, между прочимъ, предметъ этой статьи. Одни называютъ ихъ іафетическими, въ противоположность семитическимъ, другіе — арійскими, отъ Аріевъ или Аріидцевъ, носителей ведическаго, и затѣмъ, санскритскаго языка. По этому же поводу нѣкоторые придаютъ всей отрасли названіе санскритской. Опять другіе, въ особенности Нѣмцы, постоянно употребляютъ названіе „языки индо-германскіе“, основываясь на томъ, что на крайнихъ предѣлахъ территоріи, заселенной племенами этой отрасли, живутъ-де съ востока Индійцы или Индусы, съ запада же „Германцы“. Кромѣ того существуютъ еще два названія той же отрасли: „языки индо-европейскіе“ и „языки аріо-европейскіе“. По моему, самымъ подходящимъ слѣдуетъ считать послѣднее названіе, „языки аріо-европейскіе“, какъ обнимающее собою все пространство, на которомъ жили эти племена въ древнѣйшее доступное для исторіи время. Названіе „Аріидцы“ или „Аріи“ примѣнимо одинаково къ обѣимъ главнымъ семьямъ этой отрасли, жившимъ въ то время, какъ и до сихъ поръ живущимъ въ Азіи, то-есть, какъ къ Индійцамъ, такъ и къ Эранцамъ. Европа въ древнее время была населена по преимуществу племенами этой отрасли. Въ другихъ же частяхъ свѣта, и прежде всего въ Африкѣ, не было тогда вовсе Аріо-европейцевъ. Впрочемъ названіе не важно. Можно называть, какъ кому угодно, лишь бы понимать, въ чемъ дѣло.

Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ должна представлять научное изслѣдованіе и описаніе языковъ индо-европейской или аріо-европейской отрасли въ ихъ взаимной связи.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	13 св.	γλῶττα	γλῶττα
»	15 »	ЖИВОТНЫХЪ»	животныхъ»)
4	» сн.	vesgleichende	vergleichende
6	12 »	тактамъ	фактамъ
12	11 св.	фанатизмъ	фатализмъ
14	5 сн.	отношеніе, ихъ	ихъ
»	4 »	мы	отношеніе, мы
17	5 »	подобныхъ	подобнымъ
18	14 св.	литовск.,	литовск.
»	7 сн.	стеблекъ	стебелекъ
20	1 св.	«оконченный»	«оконченный», «совершен- ный»
»	16 сн.	съ ними	ими
24	2 св.	являвшіеся	являшіеся,
»	9 »	другія	другіе
25	16 »	Въ ... группѣ	Отъ ... группы
»	21 »	Friulani	Friulani
26	17 »	Джиндзары	Дзиндзары
»	13 сн.	8) На	6. На
27	11 »	9) Самою	7. Самою
»	1 »	въ	въ Россіи, въ
28	1 св.	Италіи, въ Россіи	Италіи
»	11 »	Завѣтъ,	Завѣтъ)
30	3 сн.	8) Литовская	8. Литовская
31	18 св.	Виленской	Виленской, Гродненской
32	3 »	раздѣляетъ	разъединяетъ
»	10 »	протестанты, частію же православные	протестанты
»	12 сн.	9) Послѣднюю	9. Послѣднюю
»	11 »	самая	семья
»	9 »	скажемъ только	только скажемъ
36	15 »	Ricka	Ricka
37	14 св.	отличнымъ	отличительнымъ
»	5 сн.	— главнымъ	(главнымъ

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ
37	5 сн.	Сербскомъ,	Сербскомъ)
39	3	Оп	Оп
	15 св.	1) Языки церковно-литературные и административно-ли-	1) Языки церковно-литературные, то-есть, употребляющіеся главнымъ образомъ въ церкви и въ церковныхъ книгахъ.
			2) Языки государственно-литературные и административно-ли-
44	15 сн.	Равноправность	Тѣмъ не менѣе равноправность
	14	однако въ томъ, напримѣръ, смыслъ провинціальныхъ нетерпимости	хотя такимъ образомъ провинціальныхъ, автономныхъ нетерпимости.
	4	преданій, —	преданій, — всесильная
45	6 св.	языку	языку не только
	9 сн.	уступить	уступить, но даже превзойдетъ его
47	17 св.	европейскимъ.	европейскимъ
	17	Въ Испаніи	въ Испаніи
50	6 сн.	внизу	Казань, февраль 1881 г.
	5		
53			

Кромѣ того слѣдуетъ:

- 1) раздвинуть строки и поставить между ними длинную черту, _____, въ слѣдующихъ мѣстахъ:

стр. 1 строки 6—5 сн.; стр. 4 строки 20—21 св.; стр. 6 строки 11—12 св.;
 » 8 » 2—3 св.; » 11 » 9—10 » » 12 въ самомъ низу;
 » 14 » 6—7 » » 19 » 14—15 » » 21 строки 17—16 сн.;
 » 22 » 6—7 » » 22 » 11—12 » » 22 » 22—23 св.;
 » 22 » 9—8 сн.; » 26 » 14—13 сн.; » 27 » 12—11 сн.;
 » 30 » 4—3 » » 32 » 13—12 » » 39 » 7—8 св.;
 » 39 въ самомъ низу; » 43 » 10—11 св.; » 45 » 4—3 сн.;
 » 53 строки 4—3 сн.;

- 2) устранить черту и сблизить строки: стр. 39, строки 3 — 4 св.